

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калиштина

Круиз
самодовольного
амура

Дарья Калинина

Круиз самодовольного амура

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Круиз самодовольного амура / Д. А. Калинина — «Эксмо», 2015

Евлалии несказанно повезло: будучи девушкой уже не первой молодости и весьма крупной комплекции, да еще и обладая непростым характером, она вышла-таки замуж. Жених перезрелой невесты Роман оказался мало того что молодым красавчиком, так еще и обладателем собственного, весьма доходного бизнеса. Однако новоиспеченной жене не удалось насладиться семейной жизнью: на второй день празднования Роман был застрелен. Мало того – кто-то убил мать невесты... Подруги Алена и Инга, оказавшиеся на масштабном праздновании бракосочетания в качестве гостей, по своему обыкновению занялись расследованием, ведь Залесному, которого отец невесты попросил найти преступников, не придавая делу широкой огласки, никак не управиться самому!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Д. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дарья Калинина

Круиз самодовольного амура

© Калинина Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

Вернувшись в «Дубочки» к хорошо нам знакомым, дорогим и любимым Василию Петровичу и его жене Алене, мы застали их за сборами в дорогу. В комнате хозяйки прямо на застеленной покрывалом кровати стояли два раскрытых чемодана. В один – самый большой и вместительный, обтянутый добротной телячьей кожей, Алена сосредоточенно складывала свои вещи, стараясь не упустить ничего, что могло бы ей пригодиться в поездке. А второй чемодан поменьше, зато из кожи крокодила, находился в ведении горничной – Марины. Горничная укладывала в него вещи хозяина.

Алена между делом одним глазком поглядывала в сторону окна, где по небу ползли низкие серые тучи, и бормотала себе под нос:

– Плащик на случай похолодания. Зонтик на случай дождя. Сменные туфли с закрытым носом на случай, если на дорогах будут лужи.

– Алена Игоревна, – отозвалась Марина, – а не слишком ли вы много думаете о дожде, плохой погоде и вообще о проблемах? Смотрите, накликаете!

– Марина, занимайся своими делами, – отмахнулась Алена от горничной и продолжила бормотать: – Итак, платье на первый день у меня уже тут. Дальше – костюм на второй день. А вот что же надеть на третий день праздника?

– А куда пойдете-то? – влезла любопытная Марина.

– Подразумевается прогулка на лоне природы. И что же мне взять для общения с природой?

– Эх! – вздохнула Марина, словно услышав лишь первую часть фразы своей хозяйки. – Вот бы и мне тоже... на природу... вместе с вами.

Алена не отреагировала на намек служанки. Как раз в этот момент она извлекла из вороха тряпок свои любимые джинсы и воскликнула:

– Ага, пожалуй, вот эти брючки мне как раз и подойдут!

– Ну уж, выкиньте вы их обратно! – снова вмешалась Марина. – Они ж у вас чисто белые. На природе вы на них мигом пятен насажаете, потом комплексовать будете и нервы Василию Петровичу все вымотаете, что у вас брюки-то грязные. Вот поехала бы я с вами, я бы вам эти ваши брюки хоть каждый день стирала. Даже по два раза на дню!

Голос горничной звучал вкрадчиво. Тем не менее Алена отмахнулась от нее:

– Марина, помолчи, а?

Но горничная была человеком упрямым и твердолобым. Если уж Марине охота было высказаться, она это делала, невзирая на ранги и лица.

– И утюгом бы сушила, – бубнила она свое.

– Марина, ты с нами не поедешь, это исключено.

– Тогда что-нибудь практичное возьмите, раз на природу поедете, – велела горничная своей хозяйке. – Коли стирать там вам некому будет, так серое наденьте. На нем хоть грязь не так видно.

– Без тебя разберусь.

Серый был самый нелюбимый Аленой цвет. И конечно, горничная не могла этого не знать. Она специально посоветовала выбрать его Алене, зная, что это вызовет у хозяйки раздражение. Со своей стороны, назло горничной Алена сунула к белым брючкам еще и белоснежную кружевную кофточку, в которой сама себе казалась то ли снежинкой, то ли пушинкой.

– Мне-то что, – пробубнила Марина, наблюдая за действиями хозяйки. – Я же с вами не еду. Сами возиться с белым-то будете. Вот не берете вы меня, а чего не берете-то? Жалко вам?

– Мы сто раз с тобой говорили об этом. Ты не едешь – и точка!

– Ну, воля ваша, – в очередной раз вздохнула горничная. – А только для природы такие вещички не годятся. Я вам потом другие подберу. Серенькие!

– Только попробуй! На Василии Петровиче отрывайся.

Чемоданом Василия Петровича и впрямь занималась исключительно горничная Марина. У Алены и из-за своих вещей голова шла кругом, где уж ей отвлекаться еще на вещи мужа. Она лишь время от времени приглядывала за действиями горничной, чтобы в случае чего пресечь откровенное неповиновение. И в то же время понимала: если Марина вздумает поступить по-своему, она именно так и сделает.

Несмотря на свою относительную молодость – когда горничная появилась в усадьбе, ей не было еще и двадцати, – Марина пользовалась уважением среди прочих слуг. Она работала в «Дубочках» с самого начала их существования, и как-то так получилось, что с самого первого дня работы в усадьбе взялась опекать хозяев, словно малых детей.

С тех пор прошли годы, но ничего не изменилось. И хотя Алена иной раз сердилась на горничную за самовольство, но потом была вынуждена признать: поступки Марины всегда были практичны и имели смысл. А вот действия самой Алены, увы – далеко не всегда.

– Ладно, не обижайся. Добавь к нашим вещам все, что сочтешь нужным.

– Вот уж спасибо, – пробормотала Марина таким тоном, что каждому стало бы ясно: она и без хозяйского разрешения поступила бы именно так.

Что касается владельца поместья, то Василию Петровичу и вовсе было не до чемоданов. Он был занят тем, что отдавал распоряжения по хозяйству, которое он собирался оставить, шутка ли, на целых семь дней!

Дело в том, что где-то месяц назад хозяевам «Дубочков» по почте пришло красиво оформленное завитушками и звездочками приглашение на свадьбу дочери их давних друзей – Филиппа и Насти.

– Мы поедем? – спросила Алена, глядя на мужа и вертя в руках открытку.

Василий Петрович почесал за ухом и зачем-то уточнил:

– Свадьба у Евлалии?

– У Филиппа одна дочь, зовут ее Евлалия, и у нее свадьба. Так что? Поедем?

Василий Петрович тут же принялся вздыхать, переживать и тяготиться. Так с ним бывало всякий раз, когда приходила нужда оставить хоть на короткое время их «Дубочки». Ехать ему категорически не хотелось, это было видно невооруженным глазом. Но и отказаться было бы невежливо. Да еще Алена не отставала, она каждое утро напоминала мужу о необходимости данной поездки. И недели через две Василий Петрович начал смиряться с неизбежностью. А потом, окончательно признав, что проиграл, скомандовал:

– Едем!

Изначально Филипп был другом Василия Петровича. Но как-то так получилось, что с годами дружеские отношения распространились и на женщин. Настя подружилась с Васей, потом с Аленой, и дружеские отношения гармонично распределились на всех членов двух этих семей. Так что свадьба дочери Филиппа и Насти была для Василия Петровича и Алены практически свадьбой собственной дочери, которой у них никогда не было. После получения открытки почти целый месяц супруги морально готовились к предстоящим торжествам. И вот теперь они были готовы ехать в путь.

В процессе сборов Алене попала в руки та самая пригласительная открытка от Евлалии, с которой все и началось. Алена не удержалась и развернула открытку, на которой буквально не оставалось ни единого свободного местечка. Даже само слово «свадьба» было втиснуто между причудливой розочкой необычного пестрого окраса и упитанным малышом, с видимым напряжением несшим перед собой два огромных золотых обручальных кольца.

– Красивенько, – заметила Марина, заглянув через плечо своей хозяйки. – Так вы уверены, что не хотите, чтобы я с вами поехала?

– Нет.

Марина опять надулась, как это уже случалось за этот месяц не раз и не два. Всякий раз, получив отказ от хозяйки, Марина смертельно обижалась. Алена отлично знала причину настойчивости горничной: вместе с ними должен был поехать и Ваня – начальник службы безопасности поместья – давняя любовь Марины, ее сердечная тайна и боль.

Дело в том, что Ваня, несмотря на свой возраст, до сих пор оставался холостым и считался самым завидным женихом не только у них в «Дубочках», но и во всей округе. А как же... Во-первых, статус второго лица в поместье. Во-вторых, воинская выправка – прежде чем стать телохранителем у Василия Петровича, а после и занять высокий пост начальника охраны, Ване довелось послужить в рядах Вооруженных Сил. Он воевал в Афганистане и мог при случае припомнить былые подвиги так, что у поклонниц душа уходила в пятки, а сердце замирало от восторга.

Ну, и самое главное, Ваня старался, чтобы женщины его любили, не скупился на комплименты и подарки, всех своих многочисленных пассий одаривал вниманием равномерно, так что особых обид между ними не случалось. И потому каждая дамочка, девушка, разведенная женщина и даже вдова, состоящая в той или иной степени близости с любвеобильным начальником охраны, не теряла надежды, что рано или поздно Ваня обратит свое внимание именно на нее, выделит из толпы других соискательниц и окончательно приблизит к себе.

Так что Марина сознавала, что далеко не одинока в своих чаяниях. Но у нее было одно небольшое преимущество перед прочими. Она служила в господском доме, куда дважды в будний день и один раз – в выходной являлся Ваня. Утром он являлся за распоряжениями, а вечером лично докладывал о том, как эти распоряжения были выполнены. Ваня недаром был отставным военным, он продолжал во всех делах любить четкость и порядок. И потому дважды в день Марина имела счастье лицезреть своего любимого мужчину, пусть даже сам мужчина от ее обожания был в восторге далеко не всегда.

Но Марина не сдавалась. Как в первый день пребывания в новой должности хозяйской горничной она положила глаз на Ваню, так и держалась этой своей привязанности. И хотя с тех пор минуло уже несколько лет, а ничего между горничной и Ваней так и не изменилось, Марина не оставляла надежды, что в конце концов ей удастся припереть Ваню к стенке и вынудить его жениться именно на ней. К цели своей она двигалась неумолимо, что, на взгляд Алены, было не лучшим решением.

Алена даже пыталась советовать горничной, как той лучше себя вести, и говорила ей:

– Ты поменьше дави на Ваню. Дай ему почувствовать, что для тебя ваши отношения вовсе не вопрос жизни и смерти.

– Да как же мне дать ему это почувствовать, коли это не так? Именно, что вопрос жизни и смерти! Коли Ваня на мне не женится, удавлюсь!

– Пожалуйста. Только он об этом ничего знать не должен.

– Да я ему уже много раз говорила!

– А теперь смени пластинку. Скажи, что шутила. Смейся над тем, что он мог верить такой ерунде. И сделай одолжение лично мне: прекрати подстергать его всякий раз у входа!

– Почему это? Тогда мое место мигом другие займут. Вы что же, Алена Игоревна, выходит, на стороне Люськи или Тамарки? Они обе тоже на Ваню виды имеют!

Нет, Марина совершенно не желала прислушиваться ни к чьим советам и продолжала караулить Ваню у входа в дом утром и вечером, давая тем самым ему понять, что она от своей цели не отступится.

Свое поведение она оправдывала одной фразой:

– Когда-нибудь он оценит мою верность!

В том, что касается верности самого Вани, у девушки иллюзий не было. Что в «Дубочках», что вне поместья, у Вани было множество сердечных зазноб. И поэтому Марина так

не хотела отпускать Ваню из «Дубочков» одного, без личного сопровождения. В самом поместье Марина знала всех своих соперниц наперечет, но никто из них не внушал ей такого опасения, как некая «белобрысая дрянь», жившая в Санкт-Петербурге и владевшая сердцем Вани уже много лет подряд практически единолично. И так как хозяева планировали ехать именно в этот город, то Марина буквально не находила себе места.

– Возьмите! – ныла она до самой последней минуты. – Алена Игоревна, я вам там пригожусь!

– Нет, Марина. Не надо.

– Ну, пожалуйста!

Алене так надоели приставания горничной, что она даже начала подумывать, а не уволить ли Марину вовсе. И лишь чувство справедливости удерживало Алену от этого шага. Марина же не виновата, что влюбилась в Ваню. И Ваня не виноват, что не любит Марину. Во всяком случае, он не любит ее настолько сильно, чтобы видеть девушку рядом с собой ежедневно и еженощно. И уж точно он не рвется наблюдать Марину рядом с собой во время путешествия в Питер.

Вот уже две недели, как Алена стала хранительницей страшной тайны. Она была добрым человеком и не хотела причинить Марине еще большую боль, а потому, стиснув зубы, молчала о том, что не брать ее в поездку попросил не кто-нибудь, а именно виновник Маринкиной страсти – Ваня.

Как только стало ясно, что свадьбу Евлалии их семейство все же своим присутствием почтит, Ваня решил поговорить с Аленой. За дверью, убедившись, что их никто не слышит, недолго помявшись, Ваня шепотом попросил хозяйку:

– Маринку, Христом Богом прошу вас, не берите!

– Я и не собиралась, – покривила душой Алена, которая уже почти готова была сдаться и взять горничную с собой.

– Вы-то, может, не собирались, а она очень этого хочет.

– Но в чем дело? Отчего ей так захотелось поехать с нами?

– Не с вами, а со мной, – ответил Ваня. – Меня она в Питере пасти намерена. Чтобы ни шагу от ее юбки бы не сделал.

– А ты этого не хочешь?

– Категорически! Достала она меня! Если поедет она, то я дома останусь. Так и знайте: придумаю предлог и останусь в «Дубочках». Хотя бы даже больным скажусь.

Оказавшись перед выбором, кого с собой взять, Ваню или горничную, Алена колебалась недолго и выбрала Ваню. И вот теперь она была вынуждена терпеть дурное настроение Марины, ее жалобы, приставания, а зачастую и слезы.

И все же Алена считала, что поступила правильно. Она и знала Ваню дольше, и в поездке он мог быть более полезен, чем Марина. Да и Инга, та самая «белобрысая дрянь», а в действительности – лучшая подруга Алены, тоже была бы куда больше рада видеть Ваню, нежели Марину, которую откровенно не переваривала, считала тупой деревенщиной и не понимала, как Ваня мог хотя бы даже посмотреть на эту девицу, не говоря уж о чем-то большем, что между этими двумя было и не раз.

Но вот все сборы были закончены, чемоданы хозяев и сумка Вани загружены в машину. Все домочадцы собрались на высоком крыльце и махали вслед отъезжающим. Но напрасно Алена искала взглядом свою горничную. Марины среди провожающих не было. Видимо, обида на хозяйку оказалась у горничной сильнее желания послать Ване прощальный поцелуй. И она укрылась где-то в недрах дома.

– Ну и пожалуйста, – буркнула Алена, не желая комментировать поведение горничной, но все же почему-то чувствуя легкую неловкость.

Эта неловкость заставила ее сесть к Ване поближе и шепнуть ему на ухо:

- Неладно мы с Мариной поступили. Она сильно обиделась.
- Да и плевать!

В отличие от Алены телохранителя угрызания совести не мучили. Он был бодр, весел и полон радостных предвкушений от путешествия, встречи с городом, который он хорошо знал и любил, и с Ингой...

- Как вы думаете, Инга на свадьбу к Ивашевым одна придет или с этим...
- Я не думаю, я точно знаю. Одна придет.
- Ага, – только и произнес Ваня.

Но физиономия у него при этом засветилась так, что было ясно: новость порадовала его чрезвычайно.

И все же Алена не могла не думать о Марине, которая затаила на них глубокую обиду. Она раскаивалась, что послушалась Ваню. И не иначе, как эти покаянные мысли вызвали у Алены зрительную галлюцинацию. Когда она уже садилась в поезд, краем глаза отметила какое-то движение возле соседнего вагона – классом пониже. Алене показалось, что женщина, похожая на Марину, тоже садилась в поезд. Но когда Алена повернула голову так, что смогла сфокусировать свой взгляд достаточно четко, никакой Марины она уже не увидела.

– Показалось, – с облегчением пробормотала Алена и, мягко подталкиваемая мужем пониже спины, поспешила шагнуть в вагон.

Дорога до Питера показалась легкой и приятной благодаря тому, что им в попутчики достались знакомые Василию Петровичу лошади. Это была супружеская пара, приехавшая к ним в «Дубочки», чтобы приобрести пару лошадей для увеселения всей семьи. Сначала они хотели купить одного коня, желательно кроткого нрава, который мог бы катать и пожилую бабушку, и совсем маленьких ребятишек, объясняя свое желание так:

– У нас дом за городом. И летом собирается большая компания, иной раз до десятка ребятишек. Мы бы хотели, чтобы те, кто постарше, научились ездить верхом. Ну а малышку бы мы покатали в тележке. Так что нам нужен конь, подходящий и под седло, и для упряжи.

– Берите дончака.

– Как раз об этой породе мы и думали! А как вы думаете, кого лучше взять? Жеребца или кобылку? Или мерина?

– Мерин не держу! – тут же известил их Василий Петрович. – Несчастные это создания, я такой участи никому из своих жеребцов не пожелаю. Коней у нас не холостят. Так что если вам мерин надобен, то в другое место обратитесь.

Но, конечно, ни в какое другое место Василий Петрович этих двоих не отпустил. Более того, покупатели собирались приобрести одну лошадь, а в итоге оказались гордыми владельцами сразу двух скакунов. И в этом не было ничего удивительного: когда дело доходило до интересов любимого поместья, Василий Петрович становился необычайно красноречив. И откуда что бралось!

Рекламируя свой товар, будь то варенье из абрикосов, домашнее вино или свитер из шерсти меринских, он никогда не останавливался на полпути. И в этот раз он не успокоился до тех пор, пока не вручил понравившимся ему людям двух донских лошадей, по цене лишь немногим больше той, которую они намеревались заплатить первоначально.

– От себя отрываю, так и знайте!

Жеребец Аякс был уже в возрасте, для племенной работы на заводе он не годился вследствие отсутствия необходимого для этого темперамента, и потому последние годы он работал в школе верховой езды, которую Василий Петрович открыл при своем конном заводе. Вот тут Аякс показал себя с самой лучшей стороны, тренеры на него не могли нахвалиться.

– За все время ни разу не понес, не закусил, даже свечки ни разу не дал! И выдержка у него, как у старого полкового ветерана. Хоть над ухом у него стреляй, он и не моргнет.

А кобылка Заряна была невысоких кровей, зато от очень покладистых и степенных родителей, и сама обещала вырасти им под стать.

– Вам эти двое еще пару жеребят успеют принести. Аякс хоть и стар, но на одну только Заряну его сил еще хватит.

И хотя покупатели выглядели смущенно и время от времени напоминали хозяину, что разводить коней не планировали, Василий Петрович не сдавался. У него в голове не укладывалось: как это у людей есть свой загородный дом, а разводить живность они при нем не планируют?! И в итоге вручил парочку дончаков и всю дорогу до конторы, где следовало завершить сделку и передать документы на лошадей, объяснял их новым владельцам преимущества здорового образа жизни для лошадей.

– Для них так же важна любовь, как и для человека. У кобыл болезни могут случаться, если рядом с ними жеребца не имеется. Ну а жеребцам, тем и вовсе необходимо время от времени иметь под копытом какую-нибудь симпатичную кобылку.

И не отвязался, пока покупатели не подписали все документы.

Процесс подготовки лошадей к отправке растянулся на несколько дней. И только сегодня лошади отправились в путь в специальном фургоне, а их хозяева сели на поезд, где оказались в попутчиках у Василия Петровича, его жены и Вани. И если двое последних в предвкушении предстоящих им торжеств были погружены в задумчивость и в общем разговоре не участвовали, то уж Василий Петрович, проникнувшись к своим покупателям дружеским расположением, оторвался за всех.

– Вы в другой раз к нам приезжайте, я вам и корову молочную продам. Молоко – это первое дело для детей. А из молока можно и сливки делать, а из сливок – сметану или масло. И пахта, что остается, сыворотка то есть, тоже очень полезная вещь, особенно для стариков, поскольку диетический продукт.

Гости в ответ робко возражали:

– Корову у нас никто доить даже не умеет.

– Ну, не хотите корову, козу берите! – тут же соглашался Василий Петрович. – С козой вообще никаких забот. Коза себе корм везде найдет. И доить ее просто. А молоко у нее, может, кому и не по вкусу, но по целебным свойствам еще выше стоит, чем коровье.

– Нет, нет, козу мы тоже не хотим. Нам бы с лошадьми разобраться.

– Кур купите! – восклицал тогда неугомонный Василий Петрович. – Куры у меня отменные! Почти каждый день по свежему яичку иметь будете. Пятак кур, да петух для здорового образа жизни, и цыплята у вас уже через месяц по всему двору бегать будут!

– Да мы в магазине лучше...

– В магазине не то! Или вот перепелок для начала возьмите. С перепелками забот совсем мало. А несутся они еще лучше, чем куры. А уж если их на открытом выгуле держать, тут они вам по несколько лет нестись будут. Вот у нас в «Дубочках» сами видели, какой птичник. Там и индюки, и гуси, и утки. А уж куриц у нас до двадцати пород. Нет, право слово, простить себе не могу, как это я вам хотя бы пару цыплят на развод не подарил. Вы мне адрес оставьте, я к вам с оказией цыплят пришлю.

В таком духе Василий Петрович разглагольствовал всю поездку. Покупатели на его предложения реагировали все более и более вяло. И Алена ничуть не удивилась, что, едва сойдя на перрон, эти двое стремительно кинулись от них прочь.

Но Василий Петрович лишь умилился:

– Ишь, как им не терпится к своим лошадам-то попасть! В хорошие руки лошадей отдал.

И, глядя вслед улетающему от него слушателю, Василий Петрович прибавил:

– Прямо галопом поскакали, сердечные!

Алена лишь вздохнула. У нее язык не поворачивался сказать мужу о том, что иной раз он бывает чертовски утомителен. Она знала, что это было бы и жестоко, и к тому же совершенно

бесполезно. Ибо многие до нее просили Василия Петровича заткнуться и прекратить уже болтать без умолку о своем поместье, и о дивных существах, его населяющих, но это никому и никогда еще не помогало.

Так что, сделав знак Ване разобраться с багажом и позвать носильщика, Алена двинулась вдоль перрона. Василий Петрович шествовал рядом и не переставал восхищаться тем, как много прекрасных и любящих живой мир людей попадаетея ему в последнее время. То, что супруга шла молча, Василия Петровича ничуть не смущало. Ему вполне хватало собственного красноречия.

Итак, знакомство с этими тремя персонажами можно считать законченным. Пора приступать к основным событиям, которые уже поджидали наших героев в городе, в котором все они любили бывать.

Глава 2

Следующей остановкой на пути троих друзей стала квартира Инги. Алена нарочно не говорила подруге о своем приезде, хотела сделать той сюрприз.

– Я поеду к Инге, а вы поезжайте в гостиницу.

Но Василий Петрович с Ваней дружно запротестовали:

– Нет, мы тоже поедem!

Когда они все трое возникли на пороге квартиры, дверь им открыла Инга, почему-то ничуть не удивившаяся их приезду.

Наоборот, она сказала:

– Заходите, я вас жду.

Удивляться пришлось Алене и мужчинам:

– Откуда ты знаешь, что мы приехали в город?

– Звонила в «Дубочки», мне сказали.

Алена с еще большим удивлением взглянула на подругу. Инга была какая-то смурная. Нет, конечно, прыгать от радости, скакать на месте и выделывать прочие коленца, демонстрирующие восторг от приезда гостей – это было не в характере обычно хладнокровной Инги, обремененной грузом безупречных манер, привитых ей с самого детства строгой матушкой. Но все-таки обычно она демонстрировала хотя бы какую-то радость, а сегодня Инга казалась совсем уж пришибленной.

Даже слабой улыбки из себя не выдавила!

Впрочем, Василию Петровичу и Ване чья-то дополнительная радость была не нужна, им с избытком хватало своей собственной, которую они и продемонстрировали, до такой степени затормозив Ингу, что она едва на ногах устояла.

– Идите уже, – пробормотала она. – Умойтесь с дороги.

Согласно законам русского гостеприимства гостя надо напоить чаем. Инга достала заварочный чайник и задумалась рядом с закипающим чайником. На столе уже стояли готовые бутерброды и сладости. Но Инга на них даже не смотрела.

Воспользовавшись тем, что мужчины были в ванной, Алена подошла к подруге:

– Ты чего такая?

Инга посмотрела на нее, и Алена даже вздрогнула от той темноты, что глянула на нее из обычно голубых глаз подруги.

Но первая же фраза подруги все объяснила.

– От меня Игорь ушел, – произнесла Инга и заплакала.

Игорем звали гражданского, а последнее время и законного мужа Инги – следователя Залесного. У них с Ингой был трогательный роман, потом длительный период совместного сосуществования под одной крышей, и вот недавно они расписались по всем правилам гражданского законодательства. И странное дело: пока они были не расписаны, их отношения были более или менее ровными и теплыми. Но стоило печатям украсить их паспорта, как оба тут же почувствовали, что совершили ошибку. Во всяком случае, Инга это точно почувствовала. А почувствовав, призналась в том Алене, которой привыкла доверять всегда и во всем.

И потому сейчас Алена не очень удивилась словам подруги. Она лишь уточнила:

– Совсем ушел?

– Начисто! Собрал все свои вещи и ушел.

– Значит, ты его все-таки выгнала?

– Да нет, понимаешь, в том-то и дело, что не выгоняла я его! Все собиралась, собиралась... а ушел он сам!

– Значит, он что-то такое почувствовал.

– Наверное. Все-таки следователь, должен был смекнуть.

Но поговорить на эту тему подруги не успели. В кухню вернулись мужчины, и Инга шепнула Алене:

– Ничего им не говори!

Алена и не сказала, хотя язык у нее так и чесался. И во избежание того, что, открыв рот, она уже не сможет его закрыть, Алена держала зубы плотно сомкнутыми. Так что чаепитие прошло бы совсем грустно, кабы не Василий Петрович, благодушия и оптимизма которого хватило на всю компанию. Вот когда пригодилось его умение говорить о своих любимых «Дубочках» без остановки!

Но, в конце концов, даже он заметил, что аудитория как-то очень уж вяло реагирует на его реплики. И воскликнул:

– Инга, так ты что? Как я слышал, ты одна завтра на церемонию к Ивашевым пойдешь?

Губы у Инги задрожали, но она не заплакала перед мужчинами, сдержалась и только кивнула в ответ.

– А Игорь чего не пойдет? На работе занят?

Инга снова кивнула, словно робот. На сей раз Василий Петрович заметил неладное, он пронизательно взглянул на подругу своей жены, крикнул и сказал, обращаясь к Ване:

– Поедем в гостиницу. А вы тут, девочки, без нас посидите, поболтайте. Алена, мы заселимся в номера, а после Ваню за тобой пришлю.

Когда топот мужских ног затих, Инга наконец дала себе волю. Так долго сдерживаемые слезы прорвали невидимую преграду и все же хлынули из ее глаз. Алена засуетилась, захлопотала. Она была замужем давно и счастливо, так что уже забыла, как это больно, когда тебя бросают. И то обстоятельство, что Инга и сама собиралась бросить Залесного, дела не меняло. Он бросил ее первый, и этим было все сказано.

Так что Алена могла только бегать вокруг подруги, принося той то водичку, то успокоительные капли, но поделаться ничем толком не могла. Инга рыдала почти целый час, довела себя до икоты и только после этого замолчала.

– Ну, вот и хорошо, – с облегчением произнесла Алена. – А теперь взгляни на дело с другой стороны.

– С какой?

– С хорошей.

– И что тут хорошего?

– Ты ведь хотела, чтобы вы расстались, но терпела, потому что боялась сделать ему больно?

– Ну... да.

– А теперь и тебе терпеть не надо, и больно ты Залесному не сделала.

Увы, аргумент Алена привела неудачный. Она это поняла, когда увидела, что губы у Инги снова начинают дрожать, а глаза заполняются влагой.

– А... а он мне не побоялся сделать больно? – почти прокричала Инга. – Как подумаю, какая же он сволочь, прямо убить его хочется!

И она снова зарыдала. К счастью, на сей раз поток скорби иссяк значительно быстрее. Уже через четверть часа Инга перестала лить слезы и начала просто сухо всхлипывать. Видимо, вся лишняя влага в организме у нее закончилась, и слезам было просто уже неоткуда браться. Алена сочла за лучшее воды подруге больше не предлагать.

Вместо этого она сказала:

– Завтра все будет иначе. Пойдем к Ивашевым на свадьбу Евлалии, повеселимся.

– Не знаю, – с сомнением покачала головой Инга. – Смогу ли я?

– Ты должна пойти!

– Но я в таком состоянии...

– Тем более тебе надо развеяться! И потом, надо же посмотреть, что за сокровище оторвала себе Евлалия.

Переглянувшись, подруги начали сначала сдавленно хихикать, потом смеяться, а затем и вовсе расхохотались во весь голос. Смех помог Инге окончательно прийти в себя. И она уже куда более бодрым тоном пообещала Алене, что будет завтра присутствовать на свадьбе Евлалии, чтобы лично наблюдать за этим сокровищем.

Тут надо немного отступить от темы и объяснить, по какой причине упоминание завтрашней невесты вызвало у подруг такую бурную реакцию. Дело в том, что госпожа Ивашева-младшая могла называться младшей лишь по сравнению со своей матерью. На самом деле Евлалия была уже далеко не молода. И хотя она бессовестно врала всем вокруг, что ей лишь тридцать, ей стукнуло сорок с гаком. Алена уяснила этот факт сама для себя, лишь раз затруднившись элементарной сверкой дат.

Ни красотой, ни ростом, ни стройной фигурой Евлалия не могла похвастаться даже в нежном девичьем возрасте. А с годами, когда фигура ее стала напоминать набитый картошкой мешок, а черты лица заплыли жиром, Евлалия вряд ли могла очаровать кого-нибудь сама по себе.

Хороши у нее были только волосы – густые, жесткие и рыжие, они воинственно торчали во все стороны, утверждая, что их владелица – существо далеко небезобидное. И это была чистая правда. Потому что и характер Евлалии нельзя было назвать не только легким, но хотя бы покладистым. Она была агрессивна, импульсивна и подвержена неконтролируемым вспышкам ярости. Такой характер хорош на войне, но никак не в мирной семейной жизни.

– Но зато у нее есть папа.

Да, папа у Евлалии был. И кроме того, что он просто был, мало ли у кого есть папа, Филипп был еще и замечательно влиятелен и богат. Всю свою жизнь он крутился в депутатских кругах, заседал то в одном, то в другом законодательном собрании. Нет, в крупных городах ему депутатствовать не приходилось, но Россия – большая страна, тут есть множество мест и помимо мегаполисов, в которых тоже можно неплохо погреться в отдалении от высшего начальства.

Что касается самой Алены, то она втихомолку полагала, что Филипп еще тот жук, имел и имеет всюду, где только можно, и даже там, где нельзя. Потому что размер его трат, ну никак не совпадал с размером его официальных доходов, к слову сказать, тоже совсем не маленьких. Однако иметь в столичных городах одну пятикомнатную, две трехкомнатные, три двухкомнатные и некоторое количество однокомнатных квартир, записанных на всех возможных родственников, плюс виллу в Испании, бунгало в Тайланде и совсем маленький кусочек пляжа с совсем уж крохотным пятизвездочным отелем где-то в Египте – на зарплату депутата весьма проблематично.

Да еще Евлалия с маменькой регулярно совершали перелеты в бизнес-классе, курсируя между Миланом и Москвой. И ворчали, что жить им приходится поближе к папе, то есть в Питере, и они устали мотаться туда и сюда. А когда к ним однажды в загородный дом забрались грабители и вынесли золотые украшения, то ни Евлалия, ни ее маменька так и не сумели вспомнить, что именно у них украли, и ограничились лишь примерным весом украденного золотишка. Килограммчика так полтора, может быть, два. Около того, так они сказали.

При этом ни одна из женщин не выглядела опечаленной своей потерей. Подумаешь, скромненькие такие два килограммчика ювелирки, нечего особенно и переживать из-за их утраты. Евлалия и вовсе выразилась в том духе, что украденное золото давно морально устарело, пусть его лохи носят, а они с мамой купят себе эксклюзив, специально с этой целью смотаются завтра к Тиффани, очистят там все прилавки.

– И папе чего-нибудь прикупим.

– Что-нибудь недорогое, как он любит. Чтобы не выделяться.

И Филипп получил новые часики за смешные тринадцать тысяч евро. Через неделю они ему разонравились, и любящие жена и дочка тут же смотались в Вену и купили ему другие часики, подороже, уже за тридцатник. Эти часы Филиппу пришлось больше по вкусу. Он носил их и всем рассказывал, как его милые «девочки» купили ему эти часики на сэкономленные ими из сумм «на булавки».

Те, кто знал примерную стоимость этих часов, выразительно кривились в ответ и хмыкали. Но, как известно, не пойман – не вор. А депутатская неприкосновенность помогала Филиппу выкручиваться из многих неприятностей.

Однако, несмотря на то что Филипп был такой замечательный, и жизнь у него была замечательная, и жена замечательная, на дочурке природа отдохнула, и довольно серьезно. Все знакомые втихомолку удивлялись, как у такой красивой пары могла уродиться такая гадкая и откровенно страшенькая девчонка.

– Просто какой-то утенок, который все никак не превратится в лебедя.

Даже в ранней молодости Евлалии не помогали никакие пластические операции, никакие ухищрения модельеров и косметологов – натура, как говорится, перла наружу. Что бы ни делала Евлалия со своим лицом, гадость лезла у нее из глаз, сочилась через каждую пору. Отвратительная злобность, которая порой, помимо желания самой девушки, буквально вырывалась из Евлалии, заставляла неестественно кривиться рот, нос уползал куда-то вбок, щеки взрывались пятнистым румянцем, отчего личико Евлалии делалось похожим на мордочку лисой морской свинки, да еще страдающей крайней степенью диатеза.

Женихи, пару раз понаблюдавшие подобные вспышки бешенства у невесты, обычно тихо сливались в сторону. Кто-то подыскивал себе девочку пусть и не с таким богатым папой, но зато покладистую и ласковую. Кто-то вообще уходил от греха подальше в монастырь, где потихоньку приходил в себя. А один бедолага, побывав месяцок в женихах у Евлалии, потом и вовсе заделался на всю жизнь геем. И ничего ему уже не помогло. Так и сгинул безо всякой пользы, а ведь был совсем неплохим пареньком, мог бы жениться, завести деток и пополнить генофонд страны. Но знакомство с Евлалией начисто отбило у парня охоту к подобным экспериментам.

Одним словом, годы шли, богатство Филиппа росло. Но никакие деньги не могли помочь Евлалии найти себе мужа. А замуж красотке хотелось. И чем старше она становилась, тем отчаяннее становилось это желание. В последнее время Евлалия, ставшая уже до неприличия капризной и вздорной, открыто требовала у отца «купить» ей мужа.

Филипп был бы и рад сделать подарок дочурке, но при этом у самой Евлалии имелось одно неперемное условие. Надо было, чтобы будущий муж был не последним человеком. Выходить замуж за кого попало Евлалия тоже не желала. У нее были свои принципы. И неперемным условием со стороны невесты было, чтобы у потенциального мужа было денег не меньше, чем у любимого папочки. Все попытки Филиппа объяснить чадушку, что если жених будет при деньгах, то он на Евлалию и не посмотрит, разбивались о стену глухого непонимания со стороны дочери.

– Почему ко мне никто не сватается? Почему? Это вы во всем виноваты! Ты, папа, и особенно мама! Вы не хотите пощустрить среди своих друзей и поискать мне мужа.

А ведь вся отведенная Евлалии часть квартиры была буквально увешана зеркалами. А уж ванная комната девушки и вовсе была одним сплошным зеркалом. И, кажется, видя свои многочисленные отражения в них, Евлалия могла бы уже понять: красота ушла от нее безвозвратно. Если в молодости, смири она нором, у нее еще был шанс очаровать кавалера, то теперь не помогали никакие пластические операции. Не успевала Евлалия прийти в себя после манипуляций одного хирурга, как ей надо было отправляться к следующему.

За последние годы Евлалия растолстела до невероятных размеров, как следствие – подурнела, и всем казалось, что теперь у нее точно нет никаких шансов найти кавалера по своим запросам.

– И вот поди ж ты! Нашелся какой-то чудак!

Пару месяцев назад Филипп и Настя оповестили знакомых о том, что у их дочери появился серьезный кавалер. Все вокруг долго не могли поверить, что нашелся смельчак, готовый назвать женой это перезревшее и презлющее сокровище. Да еще, как громогласно оповещали всех счастливые Филипп и Настя, их дочери удалось отхватить не просто какого-то там жениха, а очень даже успешного предпринимателя, предложившего тестю некий совместный бизнес, который мог в ближайшее время еще больше обогатить их обоих.

Впрочем, что это за бизнес, пока держалось в тайне. Но торжество по случаю объединения двух капиталов обещало быть грандиозным. И отказаться от его посещения было бы большой глупостью.

Вот в таких обстоятельствах и произошел приезд Алены и Василия Петровича в город их молодости. Петербург был им особенно дорог хотя бы потому, что именно тут они познакомились, поженились и долгое время жили вполне счастливо, пока Василию Петровичу не пришла охота стать помещиком и землевладельцем.

В отличие от многих, кого посещало подобное желание, деньги для воплощения своей мечты в жизнь у Василия Петровича имелись в избытке, обращаться за кредитами в банки ему не пришлось. А раз были деньги, то и дело пошло на лад быстро. Была взята в аренду земля, построена усадьба и начато фермерское хозяйство, которое с годами обрастало все новыми и новыми пристройками и наращивало хозяйственные мощности.

Теперь в «Дубочках» производилось практически все, что нужно для жизни человека. Но большое хозяйство требовало постоянного присмотра за собой. Василий Петрович с утра и до позднего вечера проводил в разъездах из одного уголка поместья в другой. И даже те несколько дней, которые он выкроил ради посещения свадьбы Евлалии, стоили ему немалых душевных терзаний. А ну как в его отсутствие в поместье случится какой-нибудь форс-мажор?

Вернувшись от Инги в гостиницу к мужу, Алена застала Василия Петровича перед экраном планшета, он беседовал со своим управляющим – Андреем, который на время отъезда хозяина должен был полностью взять бразды правления в свои руки.

– Как дела дома? – спросила Алена.

Василий Петрович как раз уже прощался с Андреем. Отложив планшет, он сказал жене:

– Ты должна уволить Марину.

– Почему? – оторопела Алена. – За что ей такая немилость?

– Или, по крайней мере, переведи ее из старших горничных в техническую службу!

– Но что Марина сделала?

– Лучше спроси, чего она не сделала! – кипятился Василий Петрович.

– Вася, говори нормально, – попросила мужа Алена. – Я очень устала, немножко расстроена, мне не до твоих ребусов.

– Марина твоя драгоценная манкирует своими обязанностями! Исчезла. Никому не сказала, куда идет. Работа не сделана, комнаты не прибраны, ее нигде нет. А я еще хотел оставить на нее весь дом! Хорошо, ума хватило на тетю Пашу обязанности старшей возложить. Та хоть и не семи пядей во лбу, но надежная. А Маринка твоя – профурсетка! Уволь ее немедленно!

Василий Петрович всегда очень строго следил за тем, чтобы каждый исполнял свою часть работы старательно и в срок. Каждый работающий в «Дубочках» человек был своего рода винтиком в сложной системе функционирования поместья. Если один из винтиков разбалтывался, разлаживалась работа всего механизма. Поэтому Василий Петрович поощрял тех, кто работал старательно и справлялся со своими обязанностями, а тех, кто брал на себя лишнее, а затем

не укладывался в срок, наказывал. Наказание заключалось главным образом в том, что никакой ответственной работы этому человеку еще очень долгое время не доверялось.

– Когда приеду, она у меня туалеты мыть будет! – сердился он. – Ишь, удумала! Кот из дома – мышки в пляс. Ну, она попляшет, как я вернусь.

Василия Петровича отвлек какой-то странный звук, идущий от входной двери. Алена тоже оглянулась назад и увидела Ваню, который проводил ее до номера да так и остался тут. Вид у охранника был какой-то на редкость лукавый и самодовольный одновременно.

– А ты чего лыбишься? – набросился на него Василий Петрович.

– Ничего.

– Вижу, что ничего. А у самого улыбка-то шире рожи.

Ваня и впрямь улыбался так широко, что были видны все его тридцать два безупречно крепких зуба.

– Маринка-то за мной рванула, – пояснил он своим хозяевам. – Ревнует она меня к городским барышням. Она ведь мне давно грозилась, что ежели Алена Игоревна ее добром с собой в город не возьмет, то она следом за нами своим ходом приедет.

Василий Петрович даже разинул от изумления рот:

– Чего? Сюда?

И, повернувшись к жене, возмущенно воскликнул:

– Алена, ты об этом знала?

– Нет!

Алена и сама была в крайнем изумлении. Ну, дает Маринка! Не утерпела все-таки, поехала следом за любовником. То-то Алене еще на станции в «Дубочках» показалось, что это Марина садится в соседний вагон. Тогда Алена сказала себе, что это у нее галлюцинация на фоне чувства вины перед своей горничной. А выходит, что это была никакая не галлюцинация, это была самая настоящая Маринка из плоти и крови, которая вознамерилась проследить за поведением любовника в большом городе.

– Возмутительное самоуправство! – подвел итог всему приключившемуся Василий Петрович. – Распустились у меня. Ваня, зови сюда эту негодницу! Буду ее казнить!

Но Ваня лишь развел руками:

– Да я и знать не знаю, где она сейчас.

– Как не знаешь? Разве у вас с ней договора не было? Не ты ее сюда позвал?

– Что вы, Василий Петрович! Нужна она мне тут! Да я от нее только отдохнуть собрался. Вон и Алена Игоревна подтвердит. Маринка мне и в «Дубочках» надоела так, что хоть волком вой. Ведь каждый день меня подкарауливала. Утром и вечером. И все лезет, и все ластится. Ну, чисто банный лист, а не девка!

– У тебя ее телефон есть? – повернулся к жене Василий Петрович. – Напиши ей сообщение. Звонить бесполезно, Андрей и тетя Паша ей уже обзвонились, прежде чем мне о пропаже сообщить. Но ты ей напиши, пусть не дурит и назад возвращается.

– Туалеты драить?

– Если сегодня же не сядет на обратный поезд, точно все унитазаы в усадьбе ее будут!

Не желая спорить с мужем, Алена написала сообщение и отправила его горничной. Если Марина не совсем дура, она должна понять, что дело серьезное и хозяин очень недоволен ее выходкой.

На этом все и закончилось. Василий Петрович не умел долго сердиться. К тому же после дороги все были утомлены, а завтра еще предстояло пышное и длительное торжество по случаю бракосочетания Евлалии и Романа. Поэтому все трое решили лечь спать пораньше и больше не думать ни про взбалмошную Маринку, ни про то, где девица может болтаться в двенадцатом часу ночи.

Ваня пошел к себе в номер. Алена, провожая его до дверей, сказала:

– Ваня, единственное, о чем я тебя прошу: если Марина объявится у тебя, ты уж дай мне знать.

– Алена Игоревна, да неужели я стал бы вас или Василия Петровича обманывать? Клянусь вам, мне эта девка тут на фиг не нужна.

Алена махнула рукой, мол, я тебе верю, иди уже к себе. Но Ваня все не уходил. Его что-то тревожило. Помявшись, он спросил у хозяйки:

– А что это... похоже, что Инга плакала?

– Ничего не плакала. С чего ты взял?

– Глаза у нее красные были. И сама грустная такая. Чего это она? Со своим поссорилась, да?

Ваня старался выглядеть невозмутимым, словно бы это его ровным счетом не касалось. Но Алену было не обмануть. Она знала о давней страсти их телохранителя к Инге. Как знала и о том, что Ваня ради ее подруги готов хоть в лепешку расшибиться. Вот только до недавних пор самой Инге это было не нужно. Но как знать, возможно, теперь все изменилось? Уход Игоря мог повысить шансы Вани.

И Алена решила, что может частично просветить Ваню на этот счет:

– Я дам тебе совет.

– Слушаю.

– Если завтра ты постарайся уделить Инге максимум своего внимания, думаю, она не будет против.

Ваня просиял:

– То-то я и думаю: забирать вас приехал, уже поздно было, а Залесного-то дома не видно и не слышно. А оно вот что... ушел он от нее.

– Я тебе этого не говорила.

– Ну, понял я вас, Алена Игоревна. Можете на меня рассчитывать, я уж не подведу.

Выпроводив Ваню, который рвался еще обсудить с хозяйкой свои планы на завтра, Алена вернулась к мужу и застала того уже сладко похрапывающим в кровати. Василий Петрович, как всякий человек с чистой совестью и душой, умел засыпать практически мгновенно. А вот Алена, хотя и не могла припомнить за собой никаких серьезных грехов, все же в кровати поворочалась изрядное количество времени, прежде чем сумела заснуть.

В голову лезли всякие непрошенные мысли про разобиженную Марину, про Ингу, про Ваню. Как разберется Ваня с этими двумя женщинами? Ингу он любит давно, а сейчас у него появился шанс. Но Марина так просто тоже не сдастся. Об этом достаточно ясно говорит ее демарш, когда она самовольно покинула поместье, приехала в город и тоже что-то замышляет.

– Ой, не нравится мне это, – проворчала Алена. – Что на уме у этой девки?

Но больше всего Алену тревожил вопрос: достаточно ли компетентна здешняя прислуга, и сумеет ли горничная в этом отеле вовремя и качественно выгладить платье, в котором Алена собиралась появиться завтра на свадьбе? Алене очень хотелось поразить всех своим видом. Первые минуты, когда все придирчиво изучают друг друга, – самые важные. Если появиться замарашкой или в чем-то вульгарном, то репутации твоей конец. В чем ты будешь светиться перед гостями на следующий день, уже не так важно.

С собой Алена привезла платье из красного шелка с вытканым золотым поясом. Мягкая натуральная ткань струилась по бедрам, драпируя ноги и идеально подчеркивая высокую грудь и талию. Но для того, чтобы платье выглядело идеально, его нужно было надеть свежеевыглаженным. Алена заранее договорилась с горничной отеля, что та приготовит ей завтра к утру платье и занесет в номер. Но справится ли она? Может, надо было все-таки взять с собой Марину?

– Нет, – покачала головой Алена. – Пусть я лучше завтра буду в мятом платье, но зато у Инги с Ванькой все наконец получится.

Она быстро помолилась на сон грядущий. Прочла молитву за себя, за мужа, помолилась Богородице за Ваню, чтобы он наконец уже успокоился и остепенился. Не пристало мужчине в его годы гоняться за молоденькими девчонками! А Ваня, что ни год, выбирает себе девчонок все моложе и моложе. Того и гляди, переключится и вовсе на малолеток!

Но Алена была уверена: если Инга все же согласится обратить внимание на Ваню, то он мигом забудет про всех своих прежних подружек.

«Хоть бы завтра у них все срослось!» – мысленно пожелала Алена счастья двум своим друзьям.

И снова мысли ее вернулись к завтрашнему торжеству.

Завтра в полдень им всем предстояло быть во Дворце бракосочетания на Английской набережной, где и должен был начаться праздник, который обещал продлиться не меньше трех дней.

В первый день планировали саму регистрацию брака, поездку по городу, а затем свадебный ужин в ресторане, закрытом для других посетителей. Ради такого случая Филипп пригласил любимых артистов своей ненаглядной Евлалии. Обещали приехать Газманов и другие звезды российской эстрады. Музыканты должны были играть до последнего посетителя, хоть до утра, хоть до следующего дня.

Утро второго дня должно было начаться с завтрака все в том же ресторане. А затем гостям предлагалось пересесть в специально поданные автомобили и организованной колонной перебраться за город в арендованный по такому случаю коттедж. И продолжить веселье гостям и самим новобрачным предстояло уже на лоне природы, на берегу Буоксы, с рыбной ловлей, спуском на байдарках, катанием на катамаранах, водных мотоциклах и прочими летними развлечениями.

И третий день был полностью посвящен общению с природой. Подразумевался выезд в лес, где для всех желающих была бы организована охота, для дам – своего рода пикник на лесной полянке, откуда все желающие могли вернуться в коттедж, арендованный до конца недели, а кто-то мог отправиться по своим делам и вернуться туда позднее.

Одним словом, программа предстояла значительная и по времени, и по затратам сил, и по материальным затратам. И, уже погружаясь в сон, Алена снова подумала: сколько же должен будет заплатить Филипп за эту свадьбу своей дочурки? Похоже, мероприятие влетит ему в копейку. Даже если богатый зять поучаствует в расходах, все равно затраты для обеих сторон получатся значительными. Наверное, Филипп очень уж рад, что его дочери повезло ухватить за хвост золотую рыбку, раз уж он готов раскошелиться на такую пышную свадьбу.

Глава 3

Утром Алену поджидал приятный сюрприз. Ее платье прибыло в номер идеально отутюженным и отглаженным. И сколько ни приглядывалась Алена, ожидая увидеть хоть малюсенький дефект, даже ее зоркому глазу не удалось ни за что зацепиться.

– Молодец! – похвалила она девушку, принесшую платье. – Вот, держи!

Она протянула ей чаевые, несколько свернутых в трубочку мелких купюр.

Но девушка неожиданно смутилась.

– Нет, нет, ничего мне не нужно.

– Почему? Или я мало даю?

– Нет, дело не в этом... Просто не нужно – и всё!

Девушка направилась к дверям, но Алена перехватила ее:

– Постой-ка! В первый раз вижу, чтобы кто-то добровольно отказывался от чаевых. Объясни, в чем дело? А то мне целый день покоя не будет.

Девушка кинула на нее взгляд исподлобья, но, видимо, поняла, что Алена не отступится, и выпалила:

– Это не я гладила ваше платье!

– Ах, вот в чем дело! – с облегчением рассмеялась Алена. – Ну, так передай той, которая гладила. Скажи, что я очень довольна.

Она сунула деньги в руку девушке, которая больше не стала отказываться и поспешно ушла. Закрыв за ней дверь, Алена снова вернулась к своему платью и принялась любоваться им. Как прекрасно его выгладили! А она-то еще беспокоилась, что здешние работницы не справятся со сложной тканью.

Но платье выглядело изумительно. У Алены руки так и зачесались. Она облачилась в него и завертелась по комнате. Юбка поднялась вверх, обнажив стройные ноги. И Алена рассмеялась от радости – до чего же прекрасно она выглядит в своем новом платье.

– Так бы стоял и смотрел на тебя вечно.

Алена повернулась и увидела Василия Петровича, который глядел на нее с обожанием.

– Какая ты у меня красивая!

Восхищение в голосе мужа было искренним. Алена подбежала к нему.

– Тебе нравится?

– Очень! – кивнул Василий Петрович. – Ты просто ослепительна! И в платье и без него. Я никогда не понимал, что я такого хорошего сделал в своей жизни, за что мне привалило такое сокровище. И до сих пор не понимаю!

– Да ну тебя! – рассмеялась Алена. – Ты-то сам что наденешь?

Но у ее мужа было на уме кое-что другое. Он нежно, но вместе с тем властно привлек к себе жену, целуя ее лицо. Алена пыталась сопротивляться, но затем огонь желания затеплился и в ней.

– погоди, только платье скину, – прошептала она, уклоняясь от поцелуев мужа.

– Что там это платье! Иди скорей ко мне!

Василий Петрович нетерпеливо тянул жену за собой в сторону спальни. Но Алена все же избавилась от платья. Вот только аккуратно пристроить его на плечики у нее уже не получилось, не хватило времени. И пока они с мужем предавались радостям супружеской жизни на гостиничной кровати, платье все это время оставалось лежать на полу. Сначала Алена переживала, но потом ей стало не до посторонних вещей. Ее муж умел быть очень настойчивым, когда хотел что-то получить. И на какое-то время из головы Алены вылетели все другие мысли, кроме мысли о том, до чего же ей хорошо и до чего же ей повезло выйти замуж именно за Васю, а не за кого-нибудь другого.

Спустя полчаса, выпроводив Василия Петровича в душ освежиться после бурных развлечений, Алена вернулась к своему платью, подняла его, расправила и с огорчением убедилась, что красоте платья нанесен значительный ущерб. Платье помялось, теперь его гладкая ткань была уже не так идеальна.

– Придется снова гладить.

Алена вызвала горничную, которой и вручила платье.

– Погладь быстренько и тащи назад. У меня осталось не больше часа. Я сейчас иду завтракать, потом в салон красоты, вернусь, чтобы платье было готово. Успеешь?

Горничная кивнула головой, схватила платье и убежала. А уверенная в том, что и в этот раз получит платье в идеальном виде, Алена отправилась по своим делам. Они с мужем отдали гостиничный завтрак, лукаво перемигиваясь и вспоминая свои недавние любовные шалости. А после кофе, овсянки и пышного омлета с помидорами и зеленью в самом отличном расположении духа отправились наводить на себя окончательный марафет.

Василий Петрович хотел подравнять виски и побриться. А Алена... Ну, у Алены были грандиозные планы насчет улучшения своей внешности. Она хотела и новую прическу – забранную на затылок основную массу волос со спускающимися на плечи локонами, и оригинальный маникюр, и педикюр, потому что стояла жаркая погода и Алена хотела надеть босоножки, и обязательно макияж, который бы подходил к ее прическе.

К сожалению, планы ей пришлось подкорректировать из-за нехватки времени.

– Три часа! – категорично заявила мастер, услышав пожелания клиентки. – На все требуется три часа!

А узнав, что у клиентки на все про все есть чуть больше получаса времени, мастер всплеснула руками и воскликнула:

– Феи мои, живо ко мне!

И когда три феи прилетели и встали почтительным полукругом, приказала:

– Работаем по экспресс-программе. Прическа, руки, ноги, лицо!

И пояснила Алене:

– Ничего лишнего, освежим только то, что уже у вас имеется.

Феи прекрасного тут же засуетились вокруг Алены. Одна усадила Алену в кресло и, придвинув маникюрный столик, принялась со знанием дела полировать ее ногти и рисовать на них красивые узоры. Вторая шлифовала пяточки Алены, уверяя, что теперь они будут глаже шелка. Ну а главный мастер принялась сооружать на голове у клиентки узел из многочисленных локонов.

– Ах, какие у вас прекрасные волосы! – восклицала она. – Просто удивительное состояние волос для нашей эпохи. Наверное, вы много времени проводите на свежем воздухе?

– Все время. Я живу в деревне.

– Боже! Как я вам завидую!

Алена пожала плечами. Но мастер не нуждалась в ее ответах. Как и все мастерицы парикмахерского дела, она обладала способностью без умолку болтать часами. По мнению Алены, без этого таланта работать женским мастером в салоне красоты просто невозможно.

– Нравится? Так хорошо? – приговаривала мастер, чьи руки порхали над головой Алены. – Вот тут подколем? Вот тут повыше? Спустим на шею? Отличный у вас вкус! Я бы и сама не догадалась сделать лучше.

Прическа получилась превосходной. Алена оглядела себя целиком и пришла в восторг. Руки безупречны. Ноги идеальны. Алена очень себе нравилась. А ведь на макияж у нее осталось еще целых пятнадцать минут.

– Освежим термальной водичкой, чтобы кожа не устала за день. Теперь пудру, тон, закройте глазки...

Алена закрыла глаза, да так и просидела до тех пор, пока не пришло время красить ресницы. Теперь из зеркала на нее смотрела красотка с глянцевой обложки. Подумать только, как меняет человека прическа и грамотно подобранный макияж.

Поблагодарив мастеров, которые снова собрались в полукруг, кивали, улыбались и приглашали заходить к ним снова, Алена побежала к себе в номер. Она была уверена, что платье уже висит там, и не ошиблась. Вот только на этот раз выглажено оно было уже не столь идеально. Морщинка тут, складочка там, да еще какое-то пятнышко, пусть и у самого подола, но все же...

Нахмурившись, Алена вызвала горничную.

– Это что? – спросила она у нее, указывая на платье. – Почему так плохо выполнена работа?

Девчонка побледнела, начала что-то лопотать о том, что она старалась, очень старалась, но вот незадача, руки совсем ее не слушались.

– И ткань еще такая неподатливая! – в отчаянии призналась она. – В одном месте выгладишь, глядь, а оно уже в другом скомкалось! Как вы его носите, я не понимаю!

– Что же ты не поручила дело той девушке, которая гладила платье в первый раз?

– А ее уже не было.

Пытаясь сообразить, как ей быть дальше, Алена взглянула на часы и поняла, что уже опаздывает. Мешкать дольше было уже нельзя.

И Алена махнула рукой:

– Ладно, иди! Пойду в таком.

– Вы не сердитесь на меня?

– Разве что совсем чуть-чуть.

– И никому на меня не пожалуетесь?

– Даже и не думала!

Неожиданно девушка полезла в карман и вытащила оттуда деньги, которые и протянула Алене:

– Вот... Возьмите, это ваши чаевые.

Алена, которая уже начала отходить от неприятного сюрприза и свыкаться с тем, как ее платье теперь выглядит – все-таки лучше, чем было час назад – снова нахмурилась и взглянула на горничную:

– Почему же ты не отдала деньги той девушке, которая так хорошо справилась со своей работой?

– Она их не взяла, – пролепетала горничная.

– Что за чушь? Как это – не взяла деньги?

– Правда, правда! Я не вру! – испугалась девушка. – Она мне сказала, что ей платят зарплату, она ни в чем не нуждается, и все у нее есть.

– Какая оригиналка, – хмыкнула Алена, настроение у которой вновь поднялось. – Так и быть, оставь эти деньги себе. И прости, что я на тебя накричала.

Они расстались с горничной добрыми друзьями, что было, на взгляд Алены, куда важнее не идеально выглаженного платья. В конце концов, ее платье скоро помнется снова. Хочешь или не хочешь, а все торжество столбом не простоишь, а стоит в этом платье посидеть, как все – прощай идеал.

– Спрашивается, куда я глядела, когда покупала это платье?

Впрочем, Алена знала, куда она глядела. На себя, любимую и дорогую, она глядела, в зеркало. Глаз не могла оторвать от увиденной картины. Платье было из струящегося мягкого шелка, который нежной лаской касался ее тела. Обычно Алена шелк не любила, но этот был настолько приятен к телу, что она не удержалась и купила. Да еще тот факт, что в этом пла-

тье она казалась самой себе античной богиней, шествующей с Олимпа на землю, к грешным людям, этакой Афиной или даже Артемидой.

Высокая прическа, которую соорудили Алене в салоне красоты, добавляла сходства с этим избранным Аленой образом. И босоножки наподобие тех сандалий, что носили в Древней Греции, но только на высоких платформах – удобные, практичные, в них можно было без всяких затруднений проходить и день, и два, они были обтянуты золотистой кожей, которая была прекрасна сама по себе и никаких дополнительных украшений не требовала.

Да, Алена была хороша в этом своем наряде, и она отлично знала это. Именно поэтому так выразительно переливались ее подведенные глаза, сверкали, подобно брильянтовому колье на шее. К колье полагались серьги-подвески, которые Алена и вдела сейчас в свои изящные ушки.

Но об этом наборе следовало сказать отдельно. Алена получила его в подарок от Василия Петровича на юбилей десятилетия их совместной жизни. Это был самый дорогой подарок, который Василия Петрович сделал своей жене. Тогда они еще вращались в свете, много куда выезжали, много где бывали, много перед кем хотелось покрасоваться. Поэтому колье Алена надевала часто несколько лет. Но затем ее интересы сместились в несколько иную плоскость, в деревне у нее находилось много других дел, кроме как щеголять в обновках. И брильянтовый набор перекочевал в хранилище.

И все же сейчас, вновь надев любимые серьги, Алена поняла, как много значит для женщины – иметь дорогое и любимое украшение. Колье это состояло из сотен бриллиантов небольшого размера, многие из которых могли бы стать украшением и сами по себе, но тут все они служили лишь фоном для семи крупных камней по несколько карат, располагавшихся в центре. Все эти камни сияли в лучах света просто невероятным блеском.

– Дорогая, – послышался голос Василия Петровича из прихожей. – Ты там как? Готова? Зашел, чтобы...

Алена развернулась в сторону мужа, и он ахнул, отшатнувшись и шутливо прикрыв глаза рукой.

– Ты меня ослепила! – воскликнул он. – Просто ослепила!

Алена расхохоталась. Безо всякого сомнения, сегодня даже в слегка помятом платье она была прекрасна. Об этом лучше всяких слов говорили глаза ее мужа – обожающие, страстные, устремленные на нее.

– Давай никуда не пойдем? – пробормотал Василий Петрович, приблизившись к жене и игриво дыша ей в ухо. – Ну их с этой свадьбой!

– Еще чего! – воскликнула Алена, отпихивая мужа от себя и даже ударяя его слегка в грудь. – Придумал тоже!

– Ну, давай!..

– Нашел время!

– Нет, тебе не угодишь! – Василий Петрович явно посмеивался над женой. – Другие женщины были бы рады, что их мужья уделяют им внимание, а ты еще нос воротишь.

– Прекрати.

– Нет, серьезно. Вот помру, будешь тогда знать.

– Типун тебе на язык!

Так, перешучиваясь, что за годы супружества стало у них привычкой, они вышли из номера и спустились вниз в фойе отеля. Алене было приятно увидеть, что их появление не прошло незамеченным. Василий Петрович в безупречно сидящем костюме, упитанный, крепко держащийся на своих коротких, но сильных ногах, и она – бесспорная королева – высокая да еще в привлекающем любой взгляд платье.

Люди поворачивали головы в их сторону, мужчины рассматривали Алену, а женщины... что греха таить, женщины тоже поглядывали на Василия Петровича. Может, он и не был так же

красив или высок ростом, как его жена. Но в нем чувствовался настоящий хозяин, мужчина, знающий, что он всегда добивается своего.

А на улице в арендованном белоснежном «Мерседесе» (хоть в пору самой невесте на таком прокатиться) уже сидел их верный Ваня.

– За Ингой заедем? – спросил он, даже не успев поздороваться.

– Уже не успеем.

– Как же она доберется?

– Инга мне звонила, сказала, что приедет своим ходом.

Ваня разворчался. Он считал, что это ужасное упущение, что они и сами не поедут за Ингой, и его за ней не послали. Он вполне мог успеть смотаться за Ингой, а потом подобрать хозяев у отеля. Василий Петрович не слушал, думая о чем-то своем. А Алена улыбалась в ответ на ворчание шофера. Здорово же Ваню на этот раз прихватил любовный недуг! Похоже, у него начинается один из самых острых приступов, какой только Алена наблюдала за эти годы.

Наклонившись к мужу, Алена прошептала ему на ухо:

– Ваня-то решил пойти ва-банк.

Но Василий Петрович ей не ответил. Он по-прежнему витал где-то в своих мыслях. И в ответ на слова жены лишь поинтересовался, взяла ли она конвертик, который они приготовили в подарок Евлалии.

Когда они сворачивали на набережную к Дворцу бракосочетания, то увидели впереди Ингу.

– Видите! – встревожился Ваня. – Одна идет, бедняжечка! Алена Игоревна, что вы за друзья такие с Василием Петровичем, что бросили Ингу в таком-то положении и одну?

– В каком положении?

– Да уж известно, в каком... Разговаривал я вчера с Игорем.

– Ты звонил Залесному? – изумилась Алена.

– Сам он мне позвонил.

– А... а зачем?

– Поговорить.

– И как? Поговорили?

– Поговорили, – кивнул головой Ваня. – Он сказал, что с Ингой у них все кончено.

Что не любит она его. Что достал он ее.

– С чего он это взял?

– А с того... Чуть что, Инга срывается на него, кричит, упрекает.

Алена покачала головой. Однако какой неженка этот Залесный! Уж и не покричи на него! А еще следователь называется! Казалось бы, у следователя шкура должна быть потолще. А он, вишь ты, какой чувствительный!

– Игорь мне сказал, что самоустраняется. Хочет дать Инге шанс быть счастливой.

– Счастливой с кем? С тобой?

– Этого он не уточнил. Но может, что и со мной. А что? Чем я плох? Инга в последний раз очень даже приветливо на меня смотрела. И даже сказала, что всегда ценила меня за то, что я верный и преданный.

Алена открыла рот, чтобы сказать Ване, что женщина может безмерно восхищаться преданностью мужчины или его верностью, но это не будет иметь ровным счетом никакого отношения к той любви, которая бросает женщину в объятия мужчины. Но как рот она открыла, так почти сразу же и закрыла. К чему Ване знать все эти подробности? Он намерен добиться любимой женщины, чего бы это ему ни стоило, так зачем Алене сеять сомнение у него в душе? Тем более что вчера вечером она сама дала ему эту надежду.

Они догнали Ингу, погудели ей и к самому дворцу подъехали вместе, как того и хотел Ваня. Он обежал машину и услужливо помог выбраться обеим женщинам, чего отдельно для Алены обычно не делал. Василий Петрович выбрался из салона сам, хотя и кряхтел при этом изрядно и ругался, зачем люди делают такие возмутительно низкие машины.

В руках у Инги были белые розы, которые заставили Алenu вздрогнуть:

– А букет-то! – воскликнула она. – Вася! Букет мы забыли купить!

– Говори за себя.

С этими словами Василий Петрович отстранил супругу от двери багажника, открыл ее и извлек роскошную ветку орхидей. Она была одна, но до чего хороши были крупные цветы, расположившиеся на ней! Темно-вишневые с почти черными прожилками, они выглядели даже устрашающе.

– Где ты такие только раздобыл? – спросила у него Алена. – Специально такие купил?

– Должен же я хотя бы попытаться спасти бедного парня. Кто-то должен ему намекнуть, что за чудовище готов он взять себе в жены сегодня?!

Алена покраснела:

– Вася, оставь эти свои шуточки. Если сейчас твои слова услышат и донесут Филиппу...

– И что?

– У тебя не будет друга!

– Будто бы Фил сам не знает правды про Евлалию! Он мне и сам много раз говорил, что Евлалия у него жирная дура и истеричка.

– Он отец, ему можно. А ты дочь своего друга должен только хвалить.

Василий Петрович в ответ хмыкнул и посоветовал жене:

– Лучше последи за Ингой. Что-то она совсем бледная, как и эти ее розы... Надо же такой цвет выбрать, как на похороны пришла! Ты уж ей намекни.

– Вася, иди, – оттолкнула его Алена. – Лучше побеседуй с друзьями.

– Держи.

И Вася сунул жене ветку орхидеи.

– Разбавишь то бледное недоразумение, которое Инга с собой притащила.

И, размахивая освободившимися руками, Василий Петрович пошел в направлении кучки людей, среди которых и впрямь заметил знакомые лица.

Какое-то время подруги стояли молча. А потом Алена спросила:

– Как ты?

– Ничего. Держусь. Сегодня уже лучше, чем вчера было. Знаешь, может, ты и права. И мне действительно не стоило киснуть одной дома. Тут полно народу...

Но окинув взглядом собравшихся, Инга как-то сникла и договорила уже совсем упавшим голосом:

– ...И все пришли парами.

Губы у нее снова задрожали очень знакомо. Испугавшись, как бы Инга не разревелась прямо при всех, Алена торопливо переключила ее внимание, сложив цветы вместе и продемонстрировав получившуюся конструкцию Инге.

– Смотри, и впрямь они друг друга дополнили.

Инга посмотрела на букет и промямлила:

– Совсем как мы с Игорем. Он – ветер, я – вода. Нам было хорошо вместе.

– Да ты же постоянно ревела с ним!

– Ну да, он меня часто обижал. Но ведь и хорошее между нами тоже было!

Но Алена не собиралась делать сегодняшней день днем памяти Залесного. У Алены вообще в жизни все было просто. Ушел муж – и скатертью ему дорога. Значит, не очень-то и ценил свою супругу. А во все эти сказочки насчет благородного самоустранения и все такое прочее Алена не верила. Ведь легче всего и впрямь взять и самоустраниться. Лично Алена

считала это не благородством, а прямой трусостью и низостью, и была в Залесном крайне разочарована. Мужчина обязан терпеть до последнего, на то он и мужчина. А если уж не вмоготу, то нечего было и затевать свадьбу.

Однако Алена не успела высказать свое мнение подруге. Ее отвлекло занятное зрелище. Внезапно перед подругами затормозил ярко-синий «Ягуар» с откидным верхом из чудной светлой кожи. Погода позволяла продемонстрировать все достоинства машины, за рулем которой сидел милостивый юноша. При виде этой машины стоящие у дверей ЗАГСа оживились, а некоторые так и вовсе разразились приветственными криками:

– Жених приехал!

Подруги вздрогнули и изо всех сил вытянули шеи. Им обеим хотелось посмотреть на смельчака, отважившегося повести под венец душеньку Евлалию. К их удивлению, в машине был всего один человек. Женихом оказался шофер машины – стройный и отлично сложенный юноша на вид лет двадцати пяти.

– Какой молодой! Он же ей в сыновья годится! – ахнула Инга.

– Машина-то какая, – пробормотала Алена. – Выпендрейная. А насчет жениха... Может, этому жениху лет пятьдесят, просто он морду себе регулярно полирует. Пошли поближе, разберемся.

И подруги стали переходить набережную, чтобы оказаться рядом с женихом и хорошенько рассмотреть этого симпатягу вблизи. Перейти дорогу им мешали мчащиеся мимо машины. Так что к тому времени, когда подруги оказались у дверей дворца, построенного по чертежам архитектора Красовского еще в конце девятнадцатого века, жених уже скрылся внутри здания. И возможность осуществить задуманное и поглазеть всласть на жениха вблизи Инге с Аленой представилась лишь после того, как все было закончено, подписи в книге регистрации поставлены, и гости потянулись длинной вереницей к молодым с поздравлениями.

Алена поцеловала воздух возле пухлой набеленной и нарумяненной щеки невесты и произнесла традиционные слова о том, как она рада за нее. Но Евлалия лишь рассеянно кивнула ей в ответ и сразу переключила свое внимание на следующих поздравляющих, даже заговорив с кем-то из них. Таким образом, Алена получила возможность уделить чуть больше времени жениху.

Оказавшись перед ним, Алена жадно впиалась взглядом в его лицо. Никаких морщин. Живые молодые глаза. Похоже, ему и впрямь нет тридцати, пластические операции тут абсолютно ни при чем.

– Спасибо за то, что пришли! – улыбнулся ей жених, продемонстрировав идеальные зубы.

Он был одет в белоснежный костюм, очень ладно сидящий на его стройной подтянутой фигуре. Плечи у Романа были широкие, спина прямая и ровная, ноги длинные и стройные. Ни один недоброжелатель, случись такому завестись у Романа, не сумел бы найти во внешности этого молодого человека хотя бы один изъян.

Кожа на лице жениха была гладкой и здоровой, покрытой ровным золотистым загаром. Волосы были густыми, волнистыми. Просто какой-то «Мистер идеал», а не человек!

Даже Инга, уж на что она была убита разрывом с Залесным, и та не удержалась и сказала:

– С таким мачо и я бы не отказалась замутить.

К сожалению, их уже подталкивали сзади другие желающие облобызывать нового члена семьи Ивашевых. Подругам пришлось отойти в сторону, но и оттуда они продолжили наблюдать за женихом.

– Какие у него пальцы, – жарко шептала Инга. – Длинные, словно у пианиста, и сильные!

Внешность Романа нельзя было назвать рядовой. У него были угольно-черные глаза с очень красивым разрезом, какой бывает у жителей Ближнего Востока. И свои роскошные волосы Роман отрастил почти до лопаток. Сейчас они были стянуты у него в пышный хвост за спиной.

– Не похож он на предпринимателя. Больше уж смахивает на пирата.

– Золотая серьга в ухе, попугай на плече и шляпа с пером – был бы вылитый капитан Блад!

Да уж, от Романа веяло страстью к приключениям, тягой к дальним странам и авантюрам, но никак не стабильностью и размеренностью среднестатистического законопослушного гражданина.

– Настоящий искатель удачи!

Такие люди по-своему бывают привлекательны. Женщин к ним тянет. Но вот надолго ли хватит терпения у Романа? Сколько он выдержит семейный быт? Год? Десять? Что-то подсказывало подругам, что много меньше. Может быть, месяц или даже неделю.

Эти же мысли томили и других гостей.

– Пожалуй, хлебнет еще наша Лалка лиха с таким-то муженьком, – услышали подруги позади себя женский голос.

И, обернувшись, увидели аккуратную дамочку в шляпке, одетую в безупречно сидящее на ней цветастое платье с белым кружевным воротником. И покрой платья, и тончайшее кружево, и шляпка, и особенно обувь и сумочка говорили о том, что дама эта существо материально в высшей степени обеспеченное.

Дама улыбнулась Алене и протянула ей руку:

– Я тетушка Насти – Римма Георгиевна. Наверное, вы слышали обо мне?

Это не был вопрос, скорее, утверждение. Алена мигом вспомнила рассказы Насти о своей тете – родной теще министра. И хотя министром он был не в самом важном министерстве, финансы или оборону зятю пока что не доверяли, но Римма Георгиевна все равно всюду нахваливала своего зятя: уж и семьянин он отличный, и человек прекрасный, и на родню денег никогда не жалеет, а уж в детях своих – трех сыновьях погодках души не чает. Причем, как иной раз случается с недалекими натурами, в своем желании похвалить зятя Римма Георгиевна частенько попадала впросак.

– Младшие-то мальчики у нас в Швейцарии учатся, а старший сын в Англии обитает, тоже учится. В Москву на каникулы к родителям иногда только приезжают. А уж мне, если внуков повидать хочу, самой к ним ехать приходится.

– В Москву?

– Иногда и в Москву. Столицу ребята еще хоть как-то терпят, а уж в Питер или вообще по России они не больно-то любят раскатывать, скучно им тут после Европы кажется.

– Значит, своей страны ваши внуки не знают?

– А зачем им? Они другие страны зато знают. И я вам скажу, много в мире хороших мест есть, там я и вижусь с внуками. Оно и приятнее и мне, и им.

Говоря это, теща министра сама не понимала, какие чувства будит она в своих собеседницах. Уж на что Инга с Аленой были миролюбивы и благорасположены к людям, а и они почувствовали невольное возмущение, поднимающееся у них из глубины души.

А Римма Георгиевна, словно не понимая, что говорит не то, еще и прибавила:

– Да и то сказать, что им тут делать в России-то? Порядка никакого, сплошь нищета и убожество.

Инга отошла в сторонку, опасаясь, что не сдержится и наговорит старухе гадостей. Да и Алена поглядывала на Римму Георгиевну с неудовольствием. Понимает ли она, что мелет? Кому и следить за тем, чтобы страна стала привлекательной, как не ее зятю – министру? А если уж он отправляет жить и учиться своих родных детей от греха подальше в заморские страны, так хоть молчите, не болтайте об этом на всех углах!

Впрочем, тактичность вообще была не в числе сильных сторон характера этой пожилой дамы.

– А вы, наверное, Алена? – произнесла она, словно только что это сообразила.

И когда Алена подтвердила, что да, это она, Римма Георгиевна прибавила с важным видом:

– Племянница рассказывала мне о вас. Рада, что, несмотря на свой возраст, вы еще пытаетесь держать марку.

– Сознаюсь, с годами это делать все трудней, – вздохнула Алена и с фальшивым сочувствием в голосе прибавила: – Вы-то, как я погляжу, уже давно и не пытаетесь?

Шляпка на голове тещи министра возмущенно затряслась. Дама собиралась что-то ответить, как-то отреагировать на нанесенное ей оскорбление, но тут приглашенные радостно загомонили, церемония поздравления закончилась, и вся толпа двинулась вниз по широкой лестнице.

Алена постаралась отойти подальше от разъяренной дамы. Ей было не по себе. Во-первых, она не любила обижать людей, даже если они того заслуживали. А во-вторых, в куда большей степени Алену тревожил вопрос: а что, если вообще все гости на свадьбе окажутся под стать этой родственнице? Такими ли уж приятными будут три дня, проведенные в обществе одних лишь самодовольных зазнаек, спешащих в первую очередь похвастаться своими собственными успехами, а всех других, если получится, постараться принизить?

Глава 4

К счастью, во время катания по городу, надо сказать, весьма продолжительного, продлившегося почти три часа, Алена была практически избавлена от общения с другими гостями. Она их видела лишь во время остановок возле какой-нибудь очередной архитектурной достопримечательности города: Медный Всадник, Исаакиевский собор, Дворцовая площадь, Казанский собор, набережная Мойки, канала Грибоедова, Фонтанка, Обводный...

Всюду надо было быстренько сгруппироваться, по настоянию фотографа сделать счастливые лица, а затем двигаться дальше, чтобы успеть посетить все запланированные места.

Последним в списке стал мост Петра Великого. Одному Создателю известно, почему именно этот мост облюбовали в качестве места для поцелуев новобрачные петербуржцы. Но во всякую погоду, в дождь и холод, в ветер, зной и стужу, на этом мосту фотографируются счастливые пары. Смотря по сезону, ежась от холода или изнывая от духоты, но неизменно увертываясь от колес проезжающих мимо них машин, юноши в парадных костюмах и девушки в белоснежных платьях носятся взад и вперед по мосту, пытаются удержать на пронизывающем ветру на своем месте галстук или фату да еще и сохранить при этом на всех кадрах полагающееся случаю торжественно-счастливое выражение лиц и монументальность своих причесок.

Евлалия и Роман тоже пожелали последовать этой традиции и сделать несколько фотографий на мосту. Однако они захотели запечатлеть для потомков не только самих себя, но и всех гостей. Евлалия со свойственной ей бескомпромиссностью настояла на том, чтобы рядом с ними выстроились также и все родственники.

Тут растерялся даже многоопытный фотограф:

– Как же это? Ведь машины... Час пик...

Но оказалось, что когда у вас в родственниках министр, пусть даже и самый плохонький, такие вопросы решаются на раз-два-три. Один звонок тещи в Москву, оттуда звонок самого министра уже в Смольный, оттуда еще один звонок чиновникам ДПС, и вот уже на мосту дежурят две патрульные машины, готовые по первому взмаху перекрыть движение в обоих направлениях.

– Быстренько, быстренько, все строимся! – подгоняла Евлалия своих гостей. – И так столько времени потеряли. И смотрите мне, чтобы все улыбались. Светка, тебе говорю. Не думай, я видела, как ты на Мойке рожу в кадре строила. Если тут что-нибудь в этом роде отчебучишь, так и знай: в ресторан с нами не поедешь!

Светой звали подругу невесты, которая одновременно служила Евлалии и девочкой для битья. Но пока что невесте было не до мелких пакостей, она загоняла стадо своих гостей на мост. Где-то Алена честолобие Евлалии даже понимала. Белый день, а мост совершенно пустой. Ни одной машины, лишь в центре стоит толпа нарядно одетых и улыбающихся людей. Впереди жених и невеста. И всем, кто увидит этот снимок, станет ясно: это из-за этих двух счастливиц было перекрыто всякое движение над Невой.

Да такой кадр соберет сотни или даже тысячи лайков!

Фотограф оказался все же человеком совестливым. Он справился с работой меньше чем за десять минут, несмотря на все усилия Евлалии добиться от него идеального кадра, пусть на это уйдет полчаса или даже час.

Движение было восстановлено, и гудящие машины смогли проехать по мосту.

– Смотрите, они все нам гудят! – восхищалась Римма Георгиевна, маша ручкой машинам. – Лалюшка, это они тебя поздравляют!

Красные, перекошенные от злости лица водителей, опоздавших по вине «Лалюшки» на важные для них встречи, выражали что угодно, но только не радость. И назвать поздравлениями слова, летящие в адрес молодых и их гостей, назвать было трудно.

- Суки!
- Зажрались!
- Чтобы вам пусто было!

Римма Георгиевна приподняла правую бровь, прислушавшись к выкрикам.

- Не пойму, – пробормотала она с недоумением. – Кому это они кричат?

Недоумение дамы было совершенно искренним. Она и впрямь не понимала, почему сердятся проезжающие мимо люди. В самом деле, что за беда, если ее родственнице пришло желание сфотографироваться на мосту вместе со всеми своими гостями? В конце концов, у девочки сегодня праздник, это надо учитывать.

К счастью, мост был последним объектом, где всем предлагалось сфотографироваться. Гости уже изрядно притомились и проголодались за время фотосессии. Пришло время ехать в ресторан. Все снова расселись по машинам и следом за лимузином ярко-розового цвета, в котором ехали новобрачные, отправились обедать.

Куда подевался изумительной красоты «Ягуар», оставленный женихом у дверей Дворца бракосочетания, подруги сказать не брались. Когда они вышли на улицу, машины там уже не было, кто-то отогнал ее в гараж. Зато счастливых жениха и невесту дождалось длинное и помпезное сооружение, разукрашенное от огромных колес и до самой крыши.

Так получилось, что именно машине друзей выпала честь следовать по пятам за праздничным лимузином. Инга сидела молча, теребила подол своего платья и казалась задумчивой. Но затем она произнесла:

- Какой нарядный цвет!

Алена обрадовалась. Наконец-то подруга выходит из своего ступора!

- Нарядный? – переспросил Ваня. – Да он похож на задницу павиана!

Инга смутилась. И Алена, чтобы приободрить подругу, сказала:

- Зато букет для украшения машины выбрали какой красивый! Кто его купил?

Заказанный на свадьбу лимузин и впрямь был украшен всеми возможными свадебными атрибутами. Пара оплетенных золотой фольгой колец сияла с его крыши, нарядно одетая кукла, примотанная к решетке радиатора, с дико выгнутыми пластмассовыми глазами выглядела порядком напуганной, но со своей задачей вестницы счастья справлялась отлично. Да еще в довершение всего перед самым носом водителя спереди на капоте была укреплена огромная корзина, полная самых свежих, чудесной красоты роз.

- Все цветы для свадьбы предоставил жених.

Алена взглянула на мужа. При этих его словах она как раз вспомнила: когда Евлалии дарили цветы, она говорила, что цветами у них в семье ведает Роман, «Ему и отдавайте, он разберется».

- А почему так? – спросила Алена.

- Роман держит оптовую точку, которая торгует срезкой и горшечной культурой.

- Ясно.

– Я перед церемонией побеседовал с Филиппом. Он похвалился, что зять у него шустрый мальчик. За цветами мотался аж в самую Африку.

- Куда? В Африку?

– Точнее, в Эфиопию. Далековато, конечно, но зато парень наладил контакты, добился бесперебойных поставок и вот теперь торгует цветочками, минуя голландцев, и вообще всю Европу оставил с носом.

- Молодец.

- Филипп тоже так считает. Уж он мне расхвастался про своего зятя, не заткнуть было!

Дальнейший разговор у них не клеился. Инга что-то опять загрустила. Видимо, предвкушала, как за свадебным столом все будут сидеть парами, тосты тоже станут произносить за счастливую новую пару, а она-то будет сидеть без пары. Обидно.

– Инга, а у тебя ведь два приглашения?

– Да. Игорь принес домой два.

– Но раз Игорь не может пойти с тобой на свадьбу, можно по второму приглашению пойдет Ваня?

Инга растерялась и взглянула на Василия Петровича. Что он скажет?

– Я не против, – отозвался тот.

Зато у Вани возник вопрос:

– Но как на это дело посмотрят Ивашевы? Что-то я не заметил, что у них вместе с собой принято сажать за стол прислугу.

– Ваня, ты это оставь, пожалуйста! Ты начальник моей охраны. Если я решил, что тебе необходимо быть сегодня в ресторане, значит, ты там будешь. И никакой Ивашев мне в этом не указ.

На том и порешили. Впрочем, никто из гостей и внимания не обратил на Ваню, когда он вместе с остальными поднялся в ресторан. За время прогулки по городу гости до такой степени оголодали, что теперь могли думать только о ожидающемся их в ресторане угощении. Взволнованно гомоня, все потянулись в банкетный зал, где стояли накрытые белоснежными льняными скатертями и украшенные многочисленными цветочными гирляндами столы, которые буквально ломились от самых изысканных закусок. Морепродукты, икра, балыки. Соленья, копченья, сыры. Зелень, овощи, оливки. В принципе, если просто произнести это, то вроде бы и ничего особенного. Вот только морепродукты были представлены самыми разнообразными ракообразными, начиная от гигантских тигровых креветок и заканчивая огромными лангустами. Только черной икры было целых три вида – осетровая, стерляди и белужья. Столько же красной – кеты, форели и семги. Также эти рыбы были представлены в виде горячих и холодных копчений, маринадов и закусок.

Что касается помидоров и закуски из баклажанов, то такой вкус Алена пробовала лишь на знойном юге, где эти красненькие и синенькие росли в хорошо удобренном огороде ее бабушки. А уж маслины были такого размера, что Инга сначала сослепу и не разобрала, что это такое, и долго щурилась, пытаясь понять, что же за диковинный фрукт маслянисто поблескивает черным бочком у нее перед носом. Слива? Но почему подана не ко времени да и лежит рядом с соленьями?

Не успели гости утолить голод холодными закусками, вынесли горячие – жульен из белых грибов, мясные, рыбные пироги, пирожки, консоме и теплые улитки, которые полагалось поливать лимонным соком. Алена с Василием Петровичем от улиток отказались, а вот остальные гости, что молодые, что старые, активно на них налегали.

– А ты чего не ешь? – спросила сидевшая по соседству женщина у Алены.

Выглядела она неплохо – светлые волосы, аккуратная стрижка, со вкусом сделанный макияж. Вот только говор у нее был простецкий. Да и толстые красные пальцы, усыпанные разнокалиберными кольцами, тоже говорили о том, что этой женщине приходится тяжким трудом добывать себе хлеб насущный. Она выделялась среди прочих гостей, которые хорошо знали друг друга и общались на равных. Эта же чувствовала себя бедной родственницей, ни с кем толком не знакомой, и прибилась потому к Алене.

Сама Алена этому даже не удивилась. К ней еще со школы всегда прибивались такие вот бедолаги, которых гнали все остальные.

– Так чего, улитки не будешь?

– Нет, мне не очень нравится их вкус.

Это было еще мягко сказано. Вкус улиток Алене не нравился категорически.

– Ну, ты даешь! Весь мир от улиток прямо тащится, а ей не нравится!

– И пусть тащится, – отозвалась Алена. – В Европе еще в Средние века люди привыкли всякую дрянь с голодухи трескать, вот и трещат теперь на весь мир, как это вкусно. А у нас

на Руси люди всегда нормальную еду ели, которая в рекламе не нуждалась, сама по себе вкусной и здоровой была.

Но женщина не успокаивалась. Она твердо вознамерилась накормить понравившуюся ей Алёну улитками.

– Ешь, говорят, что для этого самого улитки очень полезны.

И женщина подмигнула Алёне. Мол, сама знаешь, для чего этого! Но Алёна и после этого не поддавалась.

– Во-первых, у меня с этим самым все в порядке. А во-вторых...

Алёна хотела женщине посоветовать отстать от нее, но в этот момент зазвучал очередной тост за новобрачных. И сияющая от счастья Евлалия, которую буквально распирало от избытка чувств, того и гляди платье по швам треснет, вцепилась в своего жениха. Роман выглядел по сравнению с невестой совсем тощеньким. И из ее мощных объятий он вышел каким-то помятым.

– Вишь, чего моя племянка со своим-то делает! – восхитилась женщина. – Небось у Фильки денег много, он в девку этих улиток десятками пихает. То-то она на мужиков-то с детства у него кидается.

– Откуда вы знаете?

– Не чужие мы, чай. Я Лалку в роддом еще ездила получать.

– Так вы сестра Филя?

– Не-а, – помотала головой женщина.

– Но вы сказали, что Евлалия – ваша племянница?

– Правильно.

– Так чья же вы сестра?

– Настюхина я сестренка.

И, неожиданно икнув, добавила:

– Младшая.

Алёна с сомнением покосилась на свою новую знакомую. Что-то она не могла припомнить, чтобы у Насти была родная сестра. Да еще такая. От женщины за три версты веяло дешевой столовкой. Да, платье на ней было приличное, из тафты бирюзового цвета, оно было украшено многочисленными жемчужинами. Но вот нашитая бирка выдавала, что платье недавно из химчистки, значит, далеко не новое. А уж золотишко, которым так щедро обвешалась эта мадам, было таким дешевым, что лучше бы она вообще явилась без него или ограничилась скромной ниткой жемчуга. Кстати, жемчуг на шее у дамы был совсем даже неплохой, но вот остальные украшения...

И это снова вызывало у Алёны недоумение. Что же, Настя родной сестре не могла выдать для мероприятия что-то из своей богатой коллекции ювелирных украшений? Или даже подарить? Впрочем, кто их знает, что за отношения у них в семье. Возможно, Настя со своей сестрой в ссоре. Или вообще, может, сестра Насте двоюродная, то есть кузина? Или вообще троюродная? Что-то не слышала Алёна от Насти про существование у нее родной сестры.

Пока Алёна глазела на свою соседку, которая морщилась, но трескала улиток одну за другой, не потому, что ей они нравились, а явно для того, чтобы не отстать от других гостей, Алёна поняла точно только одно: женщина уже здорово накидалась алкоголем на голодный желудок. Только на глазах у Алёны она опрокинула в себя пять рюмок водки. И теперь глаза у женщины блестели пьяным блеском, смех стал развязным, а движения размашистыми. Закончилось тем, что она уронила бокал, снова пьяно икнула и, совсем забыв о достоинстве, полезла за бокалом под стол.

– Стойте, – прошептала Алёна. – Для этого же есть официанты!

Куда там, женщина нырнула под стол, причем не фигурально, а буквально. С диким грохотом свалилась со стула! Алена только и успела заметить, что подошвы туфель, на которых почему-то была наклеена бумажная бирка, мелькнули у нее перед носом.

Поднялся небольшой переполох. Василий Петрович и некоторые другие гости мужского пола, а также официанты кинулись поднимать женщину с пола. Совместными усилиями им удалось придать ей вертикальное положение, а потом и снова усадить на стул. Постепенно все разошлись. На стол поставили новый бокал, и вроде бы ничего такого ужасного и не произошло, подумаешь, ну, упал человек со стула, с каждым может случиться.

Но от Алены не укрылся взгляд, который метнула на опростоволосившуюся гостью мать невесты. В этом взгляде Насти было столько неприкрытой ненависти и злобы, что Алене стало ясно без слов: ни о какой родственной симпатии между так называемыми сестрами речи даже не идет. Кто бы ни пригласил эту гостью на свадьбу Евлалии, это была точно не ее мать.

Настроение у госты, побывавшей под столом, сменилось на агрессивно-веселое.

– Накатим еще по одной? – развязным тоном обратилась она к Алене.

И Алена поняла, что женщина избрала ее себе в наперсницы на весь сегодняшний вечер.

– С другими я пить и сама не хочу, рожи их уродские, а с тобой выпью. Ты, как я вижу, хорошая девка и своя в доску!

Алену совсем не обрадовало, что эта особа считает ее своей в доску. Покосившись на мужа, она ожидала, что он выручит ее. Но Василий Петрович был занят разговором с каким-то солидным седовласым дядечкой, который оказался настолько любезен, что молча слушал рассказы Василия Петровича о его замечательном поместье. Эти рассказы могли продолжаться не один час и даже не один день. И Алена поняла, что на помощь мужа рассчитывать ей не приходится.

Инга тоже была занята общением с Ваней, в сторону Алены она даже не смотрела, полагая, что та найдет себе развлечение и сама.

А между тем пьяная гостыя всю стремилась «дружить» с Аленой.

– Да ты меня послушай, – твердила она ей. – Послушай, как мы с Настюхой раньше неразлейвода были. Это ведь я ее, когда Настюха беременна Лалкой была, в роддом привезла, и обратно тоже я одна ее и встречала.

– А как же Филипп? Он где был?

– Да при чем тут Фил? Он у Настюхи гораздо позже появился.

– Как это? – удивилась Алена. – Евлалия была, а Филиппа не было?

– Ну да, – вытаращилась на нее женщина. – А что такого?

– Так он же родной отец Евлалии.

– Нет, не родной, – помотала головой женщина. – Он Лалку потом уже удочерил, когда на Настюхе женился.

Вот оно что! Честно говоря, Алена этого не знала. Впрочем, откуда бы ей знать такие подробности из жизни Насти и Филиппа? Филипп был деловым знакомым Василия Петровича, жены тоже общались и подружились между собой. Но все-таки не настолько, чтобы Настя стала делиться с Аленой столь интимными подробностями своей личной жизни.

А вот ее сестра, наоборот, стала.

– Да-а-а... Нагуляла Настюха свою девку. Не замужем была, а брюхата оказалась. Ну, папаша, царствие ему небесное, из дому-то ее и выпер. И кто, ты меня спросишь, ей в то время руку помощи протянул?

– Вы, наверное?

– Угадала! Я! Сама на двух работах надрывалась, а сестричке своей названной и племяншке-мордашке все самое лучшее старалась покупать. И что? Отблагодарила меня Настя?

– Думаю, что нет. Люди редко помнят добро, которое им сделали.

– Во-во! Снова в точку! Настюха, как за своего Фила замуж выскочила, нос совсем задрала. Никого из своей прошлой жизни и знать не хотела. Верить ли, Евлалия до пятнадцати лет даже и не знала, что у ней родная тетка имеется. Хорошо, что я племяшку из виду не теряла, да как она подросла, смекать кой-чего стала, я глаза Лалке и открыла, какая сука ее мамаша!

– Значит, на свадьбу вас сама Евлалия пригласила?

– Да уж не Настюха! Но племяшка тоже не проста, у Евлалии ко мне свой интерес имеется.

– Какой?

– Очень уж ей про своего родного батю узнать охота.

– А чем ее Филипп не устраивает? Мне всегда казалось, что он души в вашей племяннице не чаёт.

– Так-то оно так, но ведь человеку всегда большего хочется. Вот племяшку и переклинило, скажи да скажи.

– А вы знаете?

Женщина отвела глаза, отвечать правду ей не хотелось.

– Может, и знаю, – пробормотала она. – А может, и нет. Тебе-то что за корысть об этом спрашивать?

Внезапно глаза у нее стали бешеными, а лицо налилось кровью.

– А-а-а! – страшным голосом закричала она, вскакивая с места. – Поняла! Ух ты, змеюка подколодная!

Алена, признаться, оторопела от такого быстрого перехода из «своей девки» сразу в «змеюку подколодную». Обычно между этими двумя ипостасями одного человека все-таки проходит какое-то время. И даже если учесть количество выпитого этой дамой, все равно получалось как-то очень быстро. Алена искренне не понимала, что могло вызвать такую бурю эмоций у соседки.

– Подсела ко мне, тихоней такой прикинулась, а сама бдит... выведывает! То-то я смотрю, водку не пьет, улиток не жрет, а все разговоры со мной разговаривает!

Женщина кричала на весь ресторан, так что остальные гости были вынуждены прервать веселье и обернулись в их сторону. Как заметила Алена, охрана тоже уже спешила в их направлении. Охранникам велела подойти к ним Настя, которая с напряженным вниманием смотрела на Алену, словно тоже пыталась понять, что же за разговоры такие были у нее с ее сестрой.

– Успокойся! – пыталась утихомирить буянку Алена. – Сядь. Иначе сейчас тебя выведут.

– Сама уйду! – в запале кричала ей женщина. – Чем на такой свадьбе сидеть, где одни гнусные рожи, я лучше пойду!

Она и впрямь бросилась к дверям. Охрана – за ней. Некоторые гости смущенно переглядывались между собой, не зная, как вести себя в подобной ситуации. Но куда большее количество народу радостно заржали. По всем признакам назревала потеха, до которой так охоч русский человек, особенно ежели он малость подвыпьет и настроится посмеяться.

Женщина неслась вдоль столов, навстречу ей протягивали руки, пытаясь остановить. Но никому это не удавалось. Женщина схватила со стола столовый нож и воинственно размахивала теперь им, не разрешая к себе приблизиться и показывая, что намерена защищаться до последнего. Несмотря на то что ресторанный с тупым концом нож даже мягкую рыбу с трудом резал, число охотников скрутить смутьянку значительно сократилось.

Ситуацию спас тот самый обещанный Филиппом умничка Газманов. Он вышел к гостям как раз в этот момент, и первое, что получил вместо ожидаемых аплодисментов, была распаленная дама в бирюзовом платье и жемчугах, врезавшаяся в него со всего размаху. Весь ресторанный зал ахнул и замер, ожидая, что же за этим последует. А последовало следующее: дама подняла голову, узнала Газманова и, взвизгнув, повисла у него на шее. После этого совершенно

присмирившую даму ухватили подоспевшие охранники, и веселье дальше уже пошло своим чередом.

Всеобщий любимец Газманов спел несколько песен и удалился, сопровождаемый бурными овациями. На сцену вышли какие-то музыканты, которых активно приветствовала лишь Евлалия – это были какие-то ее знакомые, которые захотели таким образом поздравить невесту. Ударник, клавишник и солист – мужчины с неприятными сальными волосами и такими же сальными взглядами. Алена заметила, что Роман смотрит на этих музыкантов хоть и с улыбкой, но как-то напряженно.

И тут же Алене вспомнились слухи, которые ходили про Евлалию. О том, что, мол, охоча девка растет до мужского пола, это Алена слышала от Насти еще давно. О том, что ни одного мужика не пропускает, Филипп с горя как-то поведал Василию Петровичу. А о том, что в последнее время возле Евлалии выются какие-то подозрительные музыканты, с которыми она даже на гастроли ездит, содержит их и все такое прочее, это тоже кто-то из гостей уже успел Алене насплетничать. И сейчас Алена невольно думала: а не с этой ли тройцей довелось «гастролировать» невесте?

– Алена, прости, пожалуйста, Наталью за ее дикую выходку.

Отвлечшись от своих мыслей, Алена заметила стоящую рядом с ней Настю.

– Не понимаю, что на нее нашло, – продолжала Настя, явно имея в виду инцидент с дамой в бирюзовом платье.

– Да, ладно, с кем не бывает, – пожала плечами Алена. – Выпила чуток лишнего на радостях, вот ее и развезло.

– Прости.

– За что? Ну, покричала чуток. Не в драку же полезла.

– Она могла и в драку, уж ты мне поверь!

– Ну, в таком случае, мне вообще повезло.

Алена улыбнулась от души, она считала, что инцидент исчерпан, ни к чему снова возвращаться к нему. Но кажется, Настя хотела сказать что-то еще. Она не только не отходила от Алены, но раз за разом повторяла, что Наталья раньше такой не была. Что ее подруга вконец опустила за эти годы, стала настоящей алкоголичкой. Что если бы не настойчивое требование Евлалии пригласить тетю Натку, сама Настя в жизни бы не пустила сестру на свадьбу дочери.

– погоди, – перебила ее Алена, – я что-то не поняла, так эта Наталья тебе не сестра?

– Упаси бог от такой сестры! – закатила Настя глаза к потолку. – Она просто моя давняя подруга. Даже не подруга, а так... знакомая. Зря я поддавалась на уговоры дочери. Представляешь, она работает поваром в столовке! А в свое время, чтобы подработать немного, даже бралась драить котлы и поддоны.

Алене стало совсем неприятно. Поведение подруги Насти было недопустимым, но сама Настя сейчас вела себя еще хуже.

– Представляешь, котломойка! Ниже падать просто некуда!

Алена возразила:

– Наверное, это было в то время, когда она взяла вас с Евлалией к себе. Ну, после того, как твой отец выгнал тебя из дома, и ты осталась без гроша в кармане, беременная и одна?

Настя поперхнулась. Глаза у нее превратились в маленькие злые щелочки. И она спросила:

– Это она тебе рассказала?

Алена кивнула. И Настя чуть не задохнулась от злости.

– Гадина! Подлая мерзкая гадина! Она все врет! Никогда мы с Лалкой у Натки не жили! Еще не хватало в ее грязной конуре мне с ребенком жить!

Алена отвернулась. Почему-то ей казалось, что врет тут как раз Настя. Даже не то чтобы врет, но сознательно забывает некоторые факты из своей биографии. Алена достаточно

часто сталкивалась с такой избирательной памятью своих внезапно разбогатевших друзей. Они почему-то очень хорошо помнили моменты, когда им приходилось общаться с высокопоставленными людьми, полетать в высоких небесах и сферах. Но почему-то из их памяти выпадали целые пласты жизни, люди и события, которые проходили где-нибудь на дне.

– Ну, да черт с ней! – произнесла Настя. – Ты лучше скажи мне, что она тебе про отца Евлалии болтала? Небось сказала, что Филипп не родной отец дочери?

– Сказала.

– Так это тоже вранье!

– В самом деле?

Алене вообще не хотелось продолжать этот разговор. Спрашивала она чисто из вежливости, стараясь смотреть при этом в стороны, чтобы до Насти наконец дошло, что пора закругляться. Но Настя, казалось, задалась целью заставить Алену поверить в то, что правду говорит именно она, а не ее подруга.

– Филипп – родной отец Евлалии. Правда, мы с ним не сразу поженились, он тогда был женат на другой женщине. Но когда его первая жена умерла, он сразу же женился на мне. Вот только нашу дочку ему пришлось удочерить, что правда, то правда.

– Почему же сразу Филипп не признал Евлалию своей? – невольно вырвалось у Алены.

Настя как-то смутилась, но все же ответила:

– Филипп этого хотел, правда, хотел. И я тоже хотела. Но...

– Так в чем же дело?

– Мне не разрешили вписать его имя в свидетельство о рождении.

– Кто не разрешил?

Настя окончательно покраснела, так что Алена вообще пожалела, зачем спрашивала.

– Филипп ведь женат был, – ответила все же ей Настя. – Он не хотел разборок со своей законной женой. Но ничего! Потом он все с лихвой компенсировал ребенку.

– Отец души не чаёт в Евлалии, – подтвердила Алена, чтобы хоть что-то сказать.

Однако Настю эта дежурная фраза вполне удовлетворила, и она отошла уже в гораздо лучшем настроении, снова улыбаясь и весело щебеча с гостями.

У Алены же этот короткий разговор оставил в душе какое-то смутное ощущение. Настя столько раз на протяжении своего рассказа повторила слово «правда», словно пыталась саму себя убедить в этом. Поневоле Алене закралась в голову мысль, что ее собеседница откровенно лжет.

К удивлению Алены, ее оскандалившая соседка никуда не делась. Уже через полчаса Алена вновь увидела ее бирюзовое платье среди нарядов танцующих. Тетя Евлалии, или кем она ей там приходилась, лихо отжигала какую-то невероятную джигу-дрыгу, веселилась от души, лезла целоваться ко всем подряд, была здорово пьяна, и периодически ею снова приходилось заниматься охране.

Но в целом это было даже хорошо, потому что придавало свадебному застолью хоть какую-то изюминку. Алена заметила, что гости бились об заклад, сколько еще продержится Натка, которую уже все хорошо знали. Всем нравилась эта дополнительная потеха. Алена заметила, что многие гости нарочно подпивают Натку, чтобы склонить ту к еще более безумным выходкам. И ей стало тоскливо, захотелось уйти подальше от этих пьяных жестоких людей, так глупо издевающихся над бедной пьянчужкой.

Как-то она выдержит еще целых два дня в их обществе?

Глава 5

Вернувшись в отель, Алена с облегчением скинула с себя праздничную одежду, насквозь пропахшую тяжелыми приторными духами, которые в изобилии, словно стоворившись, использовали очень многие дамы на банкете.

– Скучно, – пожаловалась она мужу. – Тяжко мне, Вася. Словно камень у меня на душе лежит сегодня весь день. Вроде как веселиться должна была, свадьба, музыканты, люди радуются, а мне дышать даже трудно, воздуха не хватает.

– Это у тебя с непривычки, – отозвался Василий Петрович. – Город, что ты хочешь.

Алена открыла окно, желая впустить в комнату свежий воздух. Но и тут ее поджидало разочарование. Вместо свежести ночной ветерок донес до нее лишь запах выхлопных газов и горелой резины.

– Фу-у...!

Алена поспешно снова закрыла окно и включила кондиционер.

– Ничего, завтра за городом праздновать будем, там и отдохнем. Ты же любишь природу? Да, Алenuшка?

Алена вздохнула. Она видела, как Филипп и Роман договаривались с хозяином ресторана, чьи ребята загружали все оставшиеся коробки с виски, коньяками, водкой и винами в небольшой микроавтобус, чтобы загодя отвезти все это добро в коттедж, где завтра с утра планировали продолжить праздник. И не только видела, но и слышала, как Филипп озабоченно советуется с зятем, сколько и чего еще прикупить.

– Два дня еще праздновать, да на природе, значит, надо, чтобы на каждого не меньше двух литров спиртного пришлось.

После этого Алене и расхотелось продолжать веселье. Какое же это веселье, если все вокруг поголовно пьяные? Хватит с нее на сегодня этих жертв алкоголя. Несмотря на всю свою элитность – на столе не было ни одной бутылки дешевле тысячи рублей, а большинство было куда дороже – даже этот якобы отличного качества алкоголь был так же убийственен для мозга, как самая обычная сивуха. Респектабельные господа и дамы очень быстро нализились и превратились в плохо управляемое стадо.

На две сотни человек, веселившихся на свадьбе, Алена насчитала лишь человек двадцать, кто был или, по крайней мере, выглядел трезвым. Римма Георгиевна была в их числе. И Алена подумала, что не стоило ей столь поспешно судить о теще министра. Да, старушка любила позадаваться, но было в ней при этом и что-то положительное. Еще Алена заметила, что рядом с Риммой Георгиевной все время держалась совсем маленькая старушка, которая со страхом поглядывала на веселящуюся толпу. Обе пожилые дамы покинули свадьбу довольно рано.

Алена приняла душ и легла в постель. Несмотря на утомление, ей не спалось. Она чутко прислушивалась к звукам, доносящимся из гостиничного коридора, дожидалась возвращения Вани, который отправился проводить Ингу до ее квартиры. Ждала, ждала, да так и не дождалась. Было уже два часа ночи, когда Ваня вернулся в гостиницу.

Всякий, кто увидел бы его широко раскрытые глаза и нетвердую походку, неизбежно решил, этот человек пьян. Но Ваня не был пьяным. Его шатало, и глаза у него блестели вовсе не от водки, а от восхитительного чувства, которое распирало его изнутри. Он шел, не видя, куда идет. По сторонам не глядел. И потому не увидел, как следом за ним крадется маленькая женская фигурка. Дождавшись, когда Ваня дойдет до своего номера, откроет дверь и скроется за ней, женщина достала телефон и набрала номер:

– Он вернулся. Да, один. Нет, твои хозяева уже давно в номере. Я же тебе докладывала, что они вернулись самостоятельно.

Помолчав, девушка прибавила:

– Марин... Не плачь ты! Может, у них еще ничего и не было. По-моему, он совсем пьяный явился, шатало его, и по сторонам он даже не смотрел. Что говоришь? Не пьет он у тебя? Здоровье не позволяет? Слушай, а зачем он тебе тогда такой нужен?

В ответ из телефонной трубки полетели очень сердитые звуки, и горничная поспешно заявила:

– Ладно, ладно, не кипятись так. Лучше послушай, есть у меня одна идейка, как тебе к твоему Ване поближе подобраться.

И девушка двинулась по коридору в обратный путь, что-то возбужденно говоря в трубку. На сей раз собеседница ее не прерывала. Видимо, информация, которую выкладывала девушка, всерьез заинтересовала ее.

Про эти закулисные интриги гостиничной прислуги, каким-то образом связанные с личностью Вани, Алена ничего не знала. Спала она неплохо, во всяком случае, куда лучше, чем можно было ожидать после переполненного событиями шумного первого дня свадьбы. Проснулась Алена с улыбкой, которая быстро поблекла, когда женщина увидела, что находятся они с мужем вовсе не у себя в «Дубочках», а в гостиничном номере. Да еще сегодня им предстоит очередной переезд. Оставив город, они должны были двинуться по Приозерскому шоссе в направлении Вуоксы.

Вопреки бытующему мнению, Вуокса – это не просто река, это целая система рек и озер, которая тянется по всему Карельскому перешейку и уходит аж в Финляндию. Путешествовать по ней легко и просто. Опасные перекаты встречаются редко, и к тому же их всегда можно обогнуть по какому-нибудь боковому протоку или озеру.

А озера на Вуоксе, к слову сказать, красивейшие. Берег, независимо от того, высок он или низок, обязательно покрыт сосновым лесом, почва в большинстве своем песчаная, ближе к Выборгу становится каменистой, с многочисленными выходами скальной породы, добавляющими еще большую живописность пейзажу. Местность эта малонаселенная, и слава богу, что еще остались в свободном пользовании простых граждан такие вот дикие уголки природы.

Впрочем, и эти уединенные уголки дикой природы с каждым годом все активнее застраиваются, осваиваются и заселяются. На берегах рек и озер, словно бы сами собой, возникают отдельные домики, усадьбы или даже целые коттеджные поселки. И словно бы и нет в стране закона о береговой линии, куда ни глянь, частные землевладельцы стараются под шумок прихватить вместе с положенным по праву участком еще и часть берега.

А как же? Им ведь нужен собственный пляж? Нужен! А их гостям надо где-то купаться и ловить рыбку? Надо! Просто не понятно, о чем тут еще можно говорить!

Вот один из таких коттеджей выбрал Филипп для продолжения свадебных торжеств своей дочери. Дом был двухэтажный, но не очень большой. Филипп выразился о нем так:

– Всего-то четыреста с небольшим квадратов. Всем заселиться туда не удастся. Да и с душем и туалетом, передвижу, тоже может возникнуть утром проблема. Так что вы уж с Аленой, если можете, переночуйте в отеле. В коттедже я разместил с ночевкой лишь тех, кому снять жилье не под силу, или самых пожилых, кому лишний переезд в тягость.

Разумеется, Василий Петрович не возражал. Находиться в переполненном коттедже его совсем не привлекало.

Прощаясь, он получил и еще одно распоряжение от Филиппа:

– Завтракать в отеле не смейте. Приезжайте сразу с утра, как проснетесь, там у нас будут уже накрыты столы. Я договорился, нанял профессиональных поваров, они все приготовят в лучшем виде. Будет шведский стол по высшему разряду. Потом развлечения, рыбалка, купание, отдых, а вечером снова праздник. Так что ждем вас, если не приедете, смертельно обидимся всей семьей.

Пунктуальный Василий Петрович выполнил все, как рекомендовал ему Филипп. Вытащил Алену, не дав той даже выпить кофе. И был очень возмущен, когда оказалось, что Инги в ожидающей их внизу машине еще нет. Но Ваня в ответ на упреки хозяина лишь разводил руками и бормотал о том, что Инга вчера выглядела очень утомленной, и поэтому он дал ей возможность поспать подольше.

– Отлично! – обрадовалась Алена. – Поехали за ней все вместе. Заодно и кофейку у Инги попьем!

Василий Петрович мигом перестал ворчать. Кофе Инга варила поистине волшебный. Никаких кофемашин она не признавала, варила по старинке в турке и утверждала, что все дело в тонкости помола самого кофе. И еще она никогда не доводила напиток до кипения, держала на специальном чугунном кружке, уменьшающем силу огня, и лишь только кофе начал шипеть, Инга тут же выключала пламя и давала кофе настояться на все том же медленно остывающем кружке.

Может, кто-то и сказал бы, что процедура чересчур тяготная, но оторваться от такого кофе было просто невозможно. Так что все трое предвкушали предстоящее удовольствие. Да еще Ваня, который совсем отбилась от рук, без спросу остановился возле булочной-кондитерской и исчез ненадолго за ее стеклянными дверями. Снаружи Алене было видно, как Ваня указывает то на одну, то на другую булочку, а симпатичная щекастая продавщица в белом колпачке складывает сдобу в огромный пакет. Василий Петрович хотел что-то сказать Ване, когда тот вернулся, но из пакета неожиданно пахнуло таким ароматом свежего хлеба, что у Василия Петровича язык не повернулся попенять Ване за самоуправство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.